РОДЪ КНЯЗЕЙ
ОСТРОЖСКИХЪ,

защитителей

юго-западной Руси.

Отбитка изъ фелетона „Слова."

ЛЬВОВЪ.
Изъ типографіи Ставропигійскаго Института.
Иждивеніемъ Михаила Бѣлоуса.
1883.

Е40 — 1289
31659
41896/ер

РОДЪ КНЯЗЕЙ

ОСТРОЖСКИХЪ,

защитителей юго-западной Руси.

БІБЛІОТЕКА МОНАСТИРЯ ОО. ВАСИЛІЯН У ЛЬВОВІ

ЛЬВОВЪ.
Изъ типографіи Ставропигійского Института.

Иждивеніемъ Михаила Бѣлоуса.

1883.

Гей! где той часъ, якъ были у насъ:
Земля, слава, люди?

. . . . . .

А земля мати на долгіи вѣки
Приняла до себе въ гости:
Лицаревъ останки, крови потоки,
Имена, зброю и кости.

Felix, qui potuit famam meruisse perennem,
Felix, quem populi saxaque multa sonant.

Слава не умре и въ гробѣ не ляже
Рыцарство геройское каждому розскаже.

Лицаровъ память во вѣки не сгине,
Свѣтитъ якъ солнце отъ своего рана.

РЕВНИТЕЛЯМЪ РУССКИМЪ

посвящаетъ

сочинитель.

РОДЪ КНЯЗЕЙ ОСТРОЖСКИХЪ.

Часть I.

Государ. публичная
Историческая
библиотека РСФСР
№ 25655 1983

Введеніе.

Великіи люди суть не только славою и украшеніемъ народовъ, изъ которыхъ происходятъ, но часто тоже найбольшее имѣютъ вліяніе на судьбы своего народа, а бываетъ такожъ, что ихъ вліяніе сягаетъ и на сосѣдніи народы, а даже и на цѣлое человѣчество.

Народъ русскій, соединенъ Владиміромъ Великимъ въ огромную, небывалую здѣсь прежде цѣлость, озаренъ душевнымъ свѣтломъ христіанства, пришелъ къ такому значенію въ мірѣ, что свѣтами владѣющій Цареградъ, трепетая, передъ нимъ укорялся, слалъ къ нему послы и богатыи дары и примирялъ его даже своими царевнами.

Но діяволъ, отвѣчный врагъ человѣческого рода, сталъ завидовати Русинамъ той славы и силы и посѣялъ сѣмя несогласія и другихъ пороковъ. Русь роздробилась на численныи княжества, возникли борьбы и брани, явились

братоубійства и громадныи кровопролитія. За Борисомъ, Глѣбомъ, Васильком̀ъ и другими, обагрился и весь народъ въ численныхъ междуусобицахъ...

Но всевышняя десница никогда не почиваетъ. За великіи законопреступленія послѣдовала и великая казнь, ибо когда русскіи князья и племена между собою ссорились, — на далекомъ Востоцѣ соединилъ Темудчинъ всѣхъ Татаръ и, ставши на ихъ челѣ яко чингисханъ (т. е. ханъ всѣхъ хановъ), повалилъ престолы и державы Азіи, прибылъ къ границамъ Европы и вергся на роздробленную и спорящую Русь всею соединенною силою. Уже надъ Калкою, впадающею изъ запада въ Азовское море, при первомъ столкновеніи съ Татарами 1224 г., потерпѣли Русины кровавое крещеніе: 9 князей и около 80.000 народа сложили здѣсь свои головы; вкратцѣ потомъ спепелѣла златоглавая мати градомъ русскимъ: отвѣчный Кіевъ, разорены Рязань, Владиміръ надъ Клязмою и Галичъ, а усадовившись въ Европѣ, надъ Волгою и въ Крымѣ, умерщвляли Татаре народъ, опустошая городы и селенія нѣсколько столѣтій.

Появились герои въ народѣ, якъ: Александръ Невскій (1240) на Сѣверѣ, Дмитрій

Донскій (1380) на Востоцѣ, Романъ, Даніилъ и Левъ на Юзѣ, и ихъ жертвованіемъ народъ немножко очунѣлъ, однако вскорѣ, по смерти Льва и его потомковъ, прекратилась на Юзѣ народная самостоятельность, но не бѣдствія народныи; противно, возмужавшіи государства сосѣдніи, именно литовское и польское, поглотили, по кровавыхъ сраженіяхъ надъ Ирпенью (1320) и подъ галицко-владимірскими городами Львовомъ, Галичемъ и Перемышлемъ и пр. (1340—1360), большую половину Южной Руси. Народъ южнорусскій заливался слезами и кровью подъ Татарами, Литовцами и Поляками.

Въ той народной нуждѣ возсіяла ясная зоря надъ Волынью, выдобывшаяся якъ бы свѣтлый фениксъ изъ подъ сгарищъ и пепла Южной Руси, и долго хранила народного духа отъ всесторонной пагубы. Тѣмъ свѣтиломъ были князья Острожскіи, неотродныи по плоти и духу потомки доблестного князя, св. Владиміра Великого Святославича*).

*) Идемъ здѣсь почти за всѣми дотеперѣшними писателями Paprocki 447. Niesiecki VII 173. Boxhornii Oratio, Lugd. Batav. 4, Ostrogiae.. principes, ex omnium antiquissimo potentissimorum Russiae ducum sanguine... Davidi, Volodimiri abnepoti... Stebelski Dwa światła II 46 III 1. Moraczewski Stara Polska, II 212. Przeździecki Jag. p. II. Stryjkowski II. Зубрицкій, Шараневичъ.

Когда великая монархія Владимірова, по смерти его, черезъ подѣлы роспалась на многіи участки, возникло и въ позднѣйшей Волыни, или въ краѣ, между горѣшнимъ Бугомъ и середнимъ Днѣпромъ, нѣсколько русскихъ княжествъ; изъ тѣхъ значнѣйшее было Владимірское. Въ 12 столѣтіи сидѣлъ на владимірскомъ престолѣ князь Игорь, имѣвшій пять сыновъ, изъ которыхъ найстаршій, именемъ Давидъ, получилъ Владиміръ и Переяславль, но понеже тѣ княжества занялъ позднѣйше князь Юрій Долгорукій, то братья Давидовы надѣлили его городами: Острогомъ, Дубномъ, Заславьемъ и Черторыйскомъ, которыи за границею Галичины, въ близи нашего города Бродовъ лежатъ, тоже дальшими городами: Дорогобужемъ (на Волыни) и Боремлемъ, а то признавая необыкновенную храбрость Давида, отъ котораго, кажется, нашъ Давидовъ подъ Львовомъ, въ близости древняго княжеского Звенигорода, предшественника города Львова, свое имя носитъ, о которого села жалкомъ состояніи мы въ сочиненіи „О церквахъ гал. и бук.“ пространнѣйше написали.

Сынъ князя Давида, Мстиславъ, переселился изъ Дорогобужа въ Острогъ, и отъ сего времени городъ сей стался вѣроятно столицею особого княжества.

Въ хорошей земли волынской, богатой въ хлѣбъ и пашу, а прото и въ рогатый скотъ, которой имя производятъ нѣкоторыи отъ замка Волыня, когда-то существовавшого въ надбужанской долинѣ, гдѣ численно, якъ звѣзды на небѣ, розродились князья русскіи, гдѣ и нынѣ еще находимъ полно старинныхъ памятниковъ зодчества такъ въ существующихъ доселѣ церквахъ, монастыряхъ и замкахъ, якъ и въ розвалинахъ тѣхъ же, — гдѣ каждая стопа земли записана кровью въ русской исторіи, тамъ лежитъ, въ красивомъ положеніи и на возвышенныхъ холмахъ знаменитый городъ **Острогъ**. Рѣка Горинь, начинающаяся недалеко нынѣшней галицкой границы, противъ городковъ Залозецъ и Маркополя, и плывущіи по-при княжескіи городы Вишневецъ, Заславль, Острогъ, тоже недалеко Клевани, Ровна и Олики, придаетъ Острогу большую красоту, ибо подъ тѣмъ городомъ впадаетъ въ ню потокъ Вилія, творящій въ лицѣ Острога пространныи ставы.

Ѣдучи изо Львова въ Кіевъ по бродско-радивилловской желѣзной дорозѣ, почти въ половинѣ сей дороги, встрѣчаемъ недалеко отъ нея положенный Острогъ.

Якъ солнце блестаетъ между звѣздами, такъ отличались князья Острожскіи между про-

чими волынскими князями. Они носятъ головныи черты истинныхъ рыцарей во своемъ характерѣ, т. е.: храбрость и благосердіе. Они, якъ и сѣверныи владѣтели, не только носили на своихъ щитахъ изображеніе св. Георгія, побѣждающого змію и освобождающого страждущихъ, но они и послѣдовали тому св. герою всюда и всегда, якъ долго враждебная стихія не охватила своими когтями ихъ потомковъ добродушныхъ.

Не только ихъ знамя, но и самое имя столицы якъ бы доказывало ихъ воинственность, ибо оружіе, нимъ же, по примѣру св. Юрья, препоясались, никогда не отлагали, остроговъ же никогда отъ своихъ сапоговъ не отпинали, но уганялись день и ночь за бисурманами, или боролись съ врагами-сосѣдями*).

И такъ уже оный Мстиславъ, осѣвшій первый на Острозѣ, прославился уже 1103 года въ битвѣ Скутенской (при Днѣпрѣ, недалеко острова Хортицы) противъ Половцевъ; въ четыре лѣта позднѣйше побѣдилъ онъ тѣхъ же враговъ опять въ битвѣ Лубнянской**), а 1111 г.,

---

*) Stebelski Dwa Światła III. Lwów 1866 p. 4. — Baliński i Lipiński Stara Polska Warsz. 1845 II.

**) Лубно надъ Сулою, впадающею низше Кіева въ Днѣпръ у лѣвого берега.

разомъ съ отцемъ своимъ Давидомъ, подъ Сугровомъ*), и указалъ тѣми побѣдами потомнымъ дорогу, якъ супостатовъ побѣждати, — а многіи села по всей Руси, взявшіи отъ плѣнныхъ Половцевъ свое названіе, доказуютъ, что трудъ его не былъ тщетный и что кровь его дармо не плынула**).

И сынъ его Мстиславъ II отличался добродѣтелями своего отца, но сей скоро, сойшовши въ могилу 1158 г., погребенъ былъ въ церкви св. Ѳеодора въ Кіевѣ***).

Мстиславъ III, сынъ попередника, пріобрѣлъ себѣ даже у постороннихъ писателей имя Храброго. Его сынъ Романъ овладѣлъ княжествами владимірскимъ, луцкимъ, галицкимъ и другими, поселился въ Галичѣ и отсюду росширялъ свою власть къ Западу.

Когда же онъ въ кровавой борьбѣ съ польскимъ княземъ судомірскимъ, Лешкомъ Бѣлымъ, подъ Завихостомъ, недалеко устья Сяна въ Вислу, 1205 г. погибъ смертію храбрыхъ на побоищѣ, оставляя юного сына Даніила, а Лешокъ усадовилъ на галицкомъ престолѣ свою

---

*) Надъ Салницею, недалеко Дона.

**) Зри лѣтопись Нестора подъ означенными годами.

***) Święcki Stara Polska.

дочь Саломею, выданную за королевича угорского Коломана: тогда Мстиславъ III выкупилъ тлѣнныи останки Романа за великую суму, похоронилъ ихъ въ Галичѣ и, по двукратной борьбѣ съ Уграми подъ стѣнами Галича въ 1208 и 1209 гг., овладѣлъ на короткое время Галичемъ. Самъ же Мстиславъ III, скончавшійся въ Торжескѣ 1212 г., похороненъ въ Кіевѣ, въ церкви Ч. Креста, нимъ же созданной.

Когда Угры, вторгнувшіи сновь въ Галичъ, стали стѣсняти русскую церковь*), а Мстиславъ Удалый, князь Пересопницкій, не могъ заняти Галича, и отъ бояръ поруганъ, отошелъ назадъ въ Волынь, тогда Мстиславъ, князь Новгородскій, воззванъ общимъ голосомъ, пошелъ освободити Галичъ, двукратно 1217 и 1218 г. побѣдилъ Коломана подъ стѣнами того же города и дозрѣвшему Даніилу отдалъ отеческій престолъ, обвѣнчавши его со своею дочерью Анною.

И Даніилъ Романовичъ цѣлую жизнь свою провелъ въ борьбахъ то съ Татарами, то съ Уграми, то съ Поляками и ними подстрекаемыми галицкими боярами. Уже въ юныхъ лѣтахъ боролся онъ съ первыми надъ Днѣпромъ и надъ Калкою, при Азовскомъ морѣ, гдѣ едва избѣгъ погибели 1224 г. Видѣлъ онъ

и разоренный Галичъ, а поселился въ созданномъ нимъ Холмѣ. Но когда 1239 г. и Кіевъ занялъ, а 1249 г. подъ Ярославлемъ Угровъ, Поляковъ и мятежныхъ Галичанъ побилъ, овладѣлъ онъ почти цѣлою Южною Русью и обновилъ галицко-владимірское королевство, обвѣнчавшись царскимъ вѣнцемъ въ Дорогичинѣ 1254 г.

Кромѣ Даніила, имѣлъ Романъ другого сына, именемъ Василька. Когда старшій братъ сталъ, по примѣру отца, великодержавнымъ владѣтелемъ, то молодшій Василій довольствовался своимъ удѣльнымъ княжествомъ на Волыни, оборонялъ свою землю отъ свирѣпствующихъ Татаръ, а часами и въ союзѣ съ ними воевалъ въ сосѣднихъ краяхъ. Между прочими, 1259 г. нанесъ онъ, совокупно съ князями Даніиломъ и Романомъ и съ Татарами, перешедши зимовою порою по леду Вислу, значительный ударъ городу Судоміру и его окрестности, яко бы въ отомщеніе за смерть Романа подъ Завихостомъ *). Въ концѣ жизни своей поселился князь Василько инокомъ въ лѣсѣ на горѣ подъ Львовомъ и ему приписуютъ начала св.-юрского монастыря. (Коссакъ Шем. 26.)

---

*) Stryjk. kron. II 307.

Его сынъ Левъ Васильевичъ подарилъ владычей церкви въ Холмѣ село Покровку, въ близости Холма. Тотъ князь погибъ въ битвѣ съ Литовцами подъ Гедиминомъ надъ рѣкою Ирпенью подъ Кіевомъ 1320 г. Нѣкоторыи писатели того князя Льва и его отца не причисляютъ къ князямъ Острожскимъ, ибо они не обытали въ Острозѣ.

Позднѣйше вокняжился (послѣ преподоб. Стебельского) въ Острозѣ Романъ Даниловичъ, братъ князя Льва Галицкого. Тотъ. подобно якъ Левъ Васильевичъ, воевалъ въ странахъ Судоміра (Sandomiérz), Люблина и Кракова, а умираючи, оставилъ Острогъ сыну своему Василію II. Его сынъ Даніилъ Васильевичъ началъ первый писатись княземъ Острожскимъ.

Происхожденіе князей Острожскихъ производится розличными писателями розлично. Стрыйковскій производитъ ихъ отъ корня Даніила, отъ Василька Теребовельского, или отъ князей Друцкихъ*), Wielądek отъ Переяславскихъ**). Stecki отъ брата галицкого князя Льва, именемъ Мстислава***), Максимовичъ

*) Stryjkowski Kron. 307.
**) Heraldyka III 405.
***) Wołyń I 307.

отъ князей Туровскихъ, другіи отъ князей Несвѣдскихъ, Rulikowski и Radzimiński отъ варяжскихъ князей, но не отъ св. Владиміра. Найбольшая же часть авторовъ производитъ ихъ отъ св. Владиміра*). Закѣмъ новѣйшая критика не выяснитъ съ точностію сего вопроса, мы придерживаемся поважныхъ мужей, якими суть: Paprocki, Niesiecki, князь Петръ Долгорукій, Стебельскій, Максимовичъ, Шараневичъ и другіи.

Даніилъ Васильевичъ.

Когда галицко-владимірскій князь Левъ Даниловичъ, создатель второго Львова, уганялся то по угорскимъ, то по польскимъ, то по залѣсскимъ (силезскимъ) землямъ, а родный братъ его, Романъ Даниловичъ, женитьбою съ княжною Гертрудою, послѣднимъ потомкомъ Бабенберговъ, даже о наслѣдіи въ австрійскихъ земляхъ думалъ, а позднѣйше съ литовскими князями то вязался, то воевалъ: князь Даніилъ Васильевичъ сначала долшее время жилъ мирно въ Острозѣ, крѣпился во своихъ наслѣдственныхъ земляхъ и пришелъ, наконецъ, къ такой силѣ, что дерзнулъ выступити противъ побѣдо-

*) Kniaziowie, 14.

носного Казиміра Великого, занявшого въ 1340 г., по скоро проминающихъ потомкахъ и сродникахъ князя Льва, Южную Русь, прилежащую Польщѣ.

Въ 1341 г. двинулся князь Острожскій, съ перемышльскимъ или львовскимъ старостою Дешкомъ (Дашкомъ), и въ союзѣ съ напавшими на Русь Татарами, къ Западу, прогналъ польскіи полчища и опустошилъ окрестности Судоміра и Люблина, такъ что на теперь польское владычество въ нашихъ земляхъ прекратилось и зять послѣдняго галицкого князя, Юрія II Андреевича, именемъ Любартъ (въ крещеніи Димитрій), сновь во Львовѣ воцарился*). Отъ того Димитрія дарованъ церкви св. Юрія во Львовѣ милозвучный колоколъ, доселѣ существующій, о которомъ говорится въ сочиненіи: „О церквахъ русскихъ въ Галичинѣ и Буковинѣ, 1877.“

Такъ видячи греко-православную вѣру притѣсненную и имѣніе русское уменьшенное, выступилъ князь Острожскій въ оборонѣ отечества противъ Поляковъ**).

---

*) Gwagnin 63. Caro Geschichte Pol. II 227.

**) Bielski Kron. Szajnocha Jadw. i Jagiełło I. 298, 306. Dmochowski hist. p. Warsz. Ciężką wojnę prowadził Kazim. W. kilkakrotnie o ruskie księztwa i z ks. ruskiem Lubartem, i z książętami litewskiemi.

Въ якой степени кровопролитны были тѣ войны Казиміра Великого, Людвика и Ягайлы противъ Руси, видно изъ того, что латинское духовенство видѣлось быти принужденнымъ, сѣцѣховскую, люблинскую и луковскую земли, вслѣдствіе военныхъ опустошеній, освободити, на 30 лѣтъ отъ десятины*).

---

*) Niesiecki herby. VII. 173 seg... Widząc i fortunę swą nachyloną, i grecką wiarę przytłumioną.... Bielski kronika I. 395:.... Tatarów Daszko starosta przemyski i Daniel Ostroski potajemnie przywiedli.. że im szło o grecką wiarę, aby jej naszy nie wygubili. — Engel Gesch. v. Halicz. Halle 1796 p. 691 — 692: Schon Kasimir der Grosse verschenkte dem polnischen Adel die Güter russischer Bojarenfamilien, beschränkte die Freiheit der Ruthenen und vergab öffentliche Aemter an diejenigen, welche zur römischen Kirche übertraten. — Długosz lib. XII. Augebat hujusmodi malum baronum Poloniae ambitio, qui..... antiquos incolas et haeredes de illis excludebant, qui inopia et egestate pressi, et quadam desperatione compulsi, ad Tartaros fugiebant. — Moraczewski str. 356: Skoro Kazimiérz Ruś do korony przyłączył, zwykłym obyczajem polskim zaczął tępić kościoł ruski, a zaprowadzać łaciński. Który Bojar dał na sobie chrzest po katolicku poprawić, ten zaraz znaczenia i wpływu nabierał, człowiekiem do

Что тогдашняя Русь такъ усильно боролась противъ Казиміра, неудивительно тому, кто роздумаетъ, якъ Поляки поступали съ нею.

---

wszystkiego się stawał. — Caro Gesch. Polens. Gotha 1863, p. 227: Boleslaus (Тройденовичъ) erste That scheint eine übereifrige Agitation für die römische Kirche gewesen zu sein... Nicht minder kränkend für den einheimischen Adel war die Verleihung aller Aemter und Ehrenstellen an geborne Masowier. Um seine Katholisirungspläne zu fördern, liess er böhmische und deutsche Geistliche ins Land kommen.... Endlich aber brach im Jahre 1339 eine allgemeine Empörung aus: Boleslaus wurde vergiftet, seine Schützlinge umgebracht. — Pag. 229. Auf den ersten Sturm nahm (Kasimir der Grosse) die Stadt Lemberg, verbrannte das Schloss.... führte die Einwohner in sein Reich und machte grosse Beute, darunter.... zwei kostbare Kronen; pag. 285: Jubelnd schrieb (Kasimir der Gr.) an den Papst, er habe so viel Land erobert, dass darin sieben Bisthümer und ein Erzbisthum errichtet werden könnten. — Pag. 286: wurden die ersten Polonisirungs- und Katholisirungs-Versuche gemacht. — Pag. 400: Mit Wladislaw (Опольскій) war eine einseitige und übereifrige Bekehrungssucht eingezogen. Zahlreiche Minoriten wurden in das Land gerufen, die, predigend und bekehrend, im Lande umherzogen und so für die Bisthümer eine Gemeinde schufen.

Одинъ бо изъ нынѣшнихъ историковъ кажетъ: Państwo ruskie (мнимыи права на Русь) sprzedaje Ludwik węgierski Kazimiérzowi za 100.000 florenów*).

Послѣдній проситъ папу римского, чтобы его освободилъ отъ заприсяженной во Львовѣ должности: блюсти русскую церковь ненарушенною, хотя въ то само время онъ просилъ цареградского патріарха объ именованіи митрополита для Галицкой Руси. Извѣстно такожь, якъ Владиславъ Ягелло съ владычею церковью на перемышльскомъ замкѣ себѣ поступилъ, не только ее разоряя, но даже и тѣла похороненныхъ тамъ же князей, епископовъ и знаменитыхъ бояръ розметая. О томъ пишетъ, кромѣ покойного крылошанина Добрянского, такожь и польскій авторъ Шайноха: Wyrzucono więc duchowieństwo greckie z dotychczasowej głównéj świątyni na zamku... W zapale rujnowania ołtarzów ruskich, nie przebaczono żadnemu zakątkowi cérkwi, narażając się na słuszną niechęć krajowców, której żadne pochwały zagraniczne nie wynagrodziły chwalonym**).

---

*) Szajnocha Jadw. i Jag. IV. 333. Исторія Шаран. 158.

**) Szujski Dzieje Polski I. 247—250.

Подобно говоритъ и Gwagnin во своей хроницѣ.

Нѣкоторыи писатели, якъ Радзиминскій и Руликовскій, въ выше наведенномъ сочиненіи, идучи за хроникою Яна Чарнковского, заперечаютъ удѣлъ князя Даніила Острожского въ войнѣ съ Казиміромъ и думаютъ, что то касается нѣкоего боярина Даніила изъ Острова. Но того имени селъ находимъ въ нынѣшней Галичинѣ, послѣ Skorowidza Orzechowsk-ого (Kraków 1872), не меньше якъ 21. Докторъ Юліанъ Никоровичъ во своемъ Шематизмѣ на 1877 г. называетъ того мужа Дамьяномъ изъ Острова, лежащого подъ Радимномъ, недалеко Перемышля.

Намъ приходится съ трудомъ видѣти въ нашемъ богатырѣ Даніилѣ не могущественного князя Острожского, дерзнувшого броситись на великодержавного Казиміра (зятя неменьше сильного и мужественного Гедимина литовского, а шурина Ольгерда и Кейстута), но боярина одного изъ 21 галицкихъ Острововъ, или якихъ 50 русскихъ Острововъ. Наши изслѣдованія въ окрестностяхъ радимнянского Острова, тоже Острова надъ Солокіею подъ Кристинополемъ и Острова подольского подъ Тернополемъ, изъ трехъ сторонъ окруженного водами Серета, и

который-то послѣдній истинно былъ въ минувшихъ временахъ городомъ, не успѣли подорвати нашей вѣры въ князя Даніила Острожского.

Мы держимся прото большинства лѣтописцевъ, а то тѣмъ больше, что нѣкоторыи того самого подвижника разъ зовутъ Даніиломъ Островскимъ, а другій разъ Острожскимъ*).

И такъ князь Даніилъ Острожскій бодро вступался за землю и вѣру русскую. Но когда Казиміръ 1349 г. съ численными полчищами снова Русь занялъ и цѣлую волынскую землю сильно обсадилъ, то князь Даніилъ, вразъ съ другими князями волынскими, покорился на часѣ превозмагающимъ силамъ польскимъ, а позднѣйше призналъ побѣдоносного Любарта (Димитрія) верховнымъ княземъ**).

Въ грамотѣ Сигисмунда II Августа изъ 1567 г., данной монастырю Обычскому подъ Кременцемъ, упоминается такожь о Константинѣ князѣ Острожскомъ, яко о ктиторѣ того монастыря, возникшого въ оныхъ временахъ но другихъ доказательствъ о существованіи сего князя не имѣемъ***).

*) Bielski Kron.

**) Przeździecki Jagiellonki II. 39.

***) Stecki, Wołyń. Lwów 1864. II. 68, 69.

Князь Федоръ Даниловичъ.

Сынъ Даніила, Федоръ, поднялъ такожь оружіе, возбужденъ славою предковъ и чувствуя себе довольно сильнымъ. Въ борьбѣ Ягайлы съ Витовтомъ и орденомъ крестоносцевъ нѣмецкихъ, князь Федоръ стоялъ по сторонѣ Ягайлы и съ нараженіемъ жизни своей 1390 г. оборонилъ замокъ Великихъ князей въ Вильнѣ отъ тѣхъ же. За то утвердилъ его Ягайло въ его имѣніяхъ: Острозѣ, Заславьѣ и Бродовомъ*).

Когда же Витовтъ примирился съ Ягайломъ и сталъ Великимъ княземъ литовскимъ, то и той высоко цѣнилъ мужественность князя Острожского и утвердилъ такожь Федора въ тѣхъ имѣніяхъ грамотою отъ 1394 г. Въ битвѣ подъ Грунвальдомъ 1410 належалъ князь Федоръ къ вельможамъ тѣлохранителей, окружавшихъ Ягайлу.

Позднѣйше, когда, въ видахъ латинизаціи и полонизаціи, введена была унія городельская (Городло надъ Бугомъ, низше Сокаля), отступилъ князь Федоръ отъ Ягайлы, поднесъ хоруговь православной Руси и Литвы и боролся

*) Teka Naruszewicza IX. Nr. 98.

въ 1432 и 1433 гг. отчаянно за права гражданскіи и церковныи. А то дѣялось тогда, когда король польскій, Владиславъ Ягайло, низвергъ изъ престола Великого княжества литовского своего брата Свидригайла, связанного супружествомъ и церковью съ русскими князями и народомъ, князь бо сей скрѣплялъ и хранилъ русскую церковь, надѣляя русскихъ людей помѣстями, якъ то доказуютъ грамоты его о церкви св. Іоанна въ Городкѣ, о монастырѣ въ Косовѣ надъ Рыбницею, тоже о селахъ Косовѣ, Слободцѣ, Березовѣ, Жабьѣ и другихъ*).

Низвергши того Свидригайла, сдѣлалъ Ягайло Витовтового брата Сигисмунда Великимъ княземъ литовскимъ. Свидригайло поднесъ оружіе и воззвалъ къ помощи Русь. Между прочими, станулъ и князь Острожскій Федоръ по его сторонѣ. Возникла кровавая война, ибо князь Федоръ былъ не только найсильнѣйшимъ вельможею въ цѣлой Литвѣ и Южной Руси, которого имѣнія сягали отъ Кіева почти въ близость Львова, но онъ заосмотрился такожь численными войсками, на Руси, Волощинѣ и между Татарами собранными. Онъ занялъ и сжегъ

*) Головацкій. Памятники. Львовъ 1867. — Bielski. Kronika. Sanok, 1856. I. p. 614.

городъ и замокъ Брацлавъ на Подольѣ, надъ южнымъ Бугомъ, чтобы не достался въ руки Ягайлы. Подобно поступилъ онъ и со Смотричемъ, лежащимъ надъ рѣкою того же имени выше Каменца подольского и со Скалою надъ Збручемъ.

Въ продолженіи сей двулѣтней войны въ 1432 и 1433 гг., занялъ князь Федоръ такожь Береcть литовскій надъ сѣвернымъ Бугомъ, и Луцкъ надъ Иквою, осадилъ все въ окрестности Каменца подольского своими войсками, взялъ въ плѣнъ старосту каменецкого Ѳеодора Бучацкого и нанесъ польскимъ войскамъ значительный уронъ 1432 надъ Морахвою, впадающею выше Ямполя въ Днѣстръ*).

---

*) Moraczewski Starożytn. polsk. Warszawa II. 61. Шараневичъ Истор. 377. — Szujski Dzieje Polski II. 59, 61. — Bielski kron. p. I. 616: Także ze Lwowa wyprawił (król) wojsko swe przeciw Fedkowi, książęciu Ostrowskiemu, który jeszcze trzymał ze Swidrygałłem... Такъ отже лѣтописецъ Бѣльскій называетъ князя Даніила Остроскимъ, Федора княземъ Островскимъ, Константина Ивановича на сторонѣ 907 княземъ Островскимъ, а на сторонѣ 992 того же самого Константина и внука его Романа князями Острогскими. Русскіи авторы зовутъ ихъ обыкновенно Острожскими, Ягайло же въ грамотѣ, изданной въ Луцкѣ 1386 г., зоветъ ихъ Duces Ostrogowienses. Kulikowski, 24.

Тамъ, подъ Капустириномъ, на сѣверѣ отъ Могилева, князь Федоръ Острожскій, довѣдавшись, что численное войско польское, возвращаясь изъ Подолья къ Днѣстру, намѣряетъ переправитись черезъ Морахву, сдѣлалъ засаду въ сосѣднихъ лѣсахъ; когда уже половина войска переправилась, ударилъ со всею силою на другую часть, стоящую у переправы, и розгромилъ ее такъ, что многіи полягли, многіи потопились въ рѣцѣ, прочіи же погрязли въ сосѣднихъ болотахъ и багнахъ. И только полковникъ Кемпличъ, удалившійся во сто ѣздоковъ за живностію, услышавши перестрѣлку, надоспѣлъ въ помощь и сохранилъ прочихъ отъ совершенного истребленія; послѣ перевѣсъ обратился въ другую сторону*).

Что князь Федоръ Острожскій былъ самымъ сильнѣйшимъ и грознѣйшимъ вельможею, явствуетъ не только изъ его борьбъ, веденныхъ на пространствѣ отъ сѣверного до южного Буга, но такожь изъ того обстоятельства, что самъ король Ягайло поспѣшилъ противъ него на Русь, собралъ во Львовѣ значительныи полчища и послалъ ихъ отсюда противъ него. То

*) Szujski Dz. P. II. 59, 61. Шараневичъ Истор. Львовъ 375—393. Въ сей битвѣ погибло 4.000 Русиновъ, а 12.000 Поляковъ.

подтверждаетъ и сіе обстоятельство, что и по смерти Ягайла 1434 г., вельможи польскіи, въ опасеніи передъ княземъ Федоромъ, яко сторонникомъ Свидригайла, выслали королевскій дворъ, т. е. знаменитшихъ мужей государственныхъ, на Подолье, которыи тамъ долшее время пребывали*).

Въ послѣднее время борьбы, поссорившись со Свидригайломъ, князь Федоръ примирился съ королемъ и получилъ отъ него Кременецъ и Брацлавъ**).

Но не только побѣдоноснымъ оружіемъ прославился князь Федоръ Даниловичъ; послѣ записокъ городскихъ во Львовѣ, онъ учредилъ церковь и монастырь Василіянъ въ Крылосѣ подъ Галичемъ и надалъ ему село Перегинско надъ Ломницею, належащее и теперь митрополіи Галицкой***).

Князь Федоръ Даниловичъ покрылся не только военною славою, не только созданіемъ церкви и монастыря, но онъ пріобрѣлъ себѣ такое довѣріе у своихъ соотечественниковъ, что

---

*) Bielski Kronika. Sanok 1856 p. 395, 616, 628.

**) Szujski Dz. Pol. II 61.

***) Niesiecki VII. 179 seq.

ему повѣряютъ сосѣди и стараніе о своихъ душахъ, якъ то именно чтется о дворянинѣ Чурилѣ Бродовскомъ, завѣщавшемъ князю Федору свое имѣніе, лежащее въ близости Острога: „Лѣта 6893 (т. е. 1385). На память Святого Мученика Евѳимія, на кануне проводъ въ суботу. А се я Чурило Бродовскій далъ есмь село свое Бродово князю Федору Даниловичу и дѣтямъ его, а ему печаловатися душою моею и жены моей... А кто поступитъ на мое слово, увѣдается той передъ Богомъ и съ моею душою. А писалъ Родумейковичъ*)".

Тому же князю надаютъ князья литовскіи, Федоръ Любартовичъ и Витовтъ, такожь король Ягайло и супруга его Ядвига, грамоты, утверждающіи его съ потомствомъ въ посѣданіи громадныхъ имѣній вотчинныхъ, а даже и умножаютъ таковыи наданіемъ новыхъ.

Грамота князя Любарта, извѣстного намъ изъ борьбъ съ Казиміромъ В. о независимость Руси, звучитъ такъ: „Се азъ князь В. Федоръ, съ братомъ своимъ Лазаромъ и Семеномъ, и съ маткою своею Ольгою, дали есмо грамоту на то князю Федору Даниловичу, штожъ намъ не вступатися въ его отчину и въ его служеб-

*) Przegląd polski 1872 VII. Rulikowski i Radzim. 23.

ные, и по его животѣ, што дастъ церквамъ и кому ни отдастъ, намъ въ то не вступатися. А кто на то поступитъ, той увѣдается съ нами передъ Богомъ и съ его душою.“

Тую грамоту удѣлилъ намъ многоуважаемый археологъ и издатель польскихъ и русскихъ пѣсней галицкихъ, г-нъ Жегота Паули. Она происходитъ, вѣроятно, изъ 1356 г. и находится также во „Временникѣ*).“

Такъ видимъ ясно, якъ богатство и слава вслѣдъ за усильною дѣятельностію возрастаютъ.

Князь Ѳеодоръ Даниловичъ Острожскій, мужъ великихъ дарованій, надобыкновенно бодрый, въ военномъ искуствѣ опытный, вождь мыслящій и великой воинственной славы**), доживши глубокой старости, скончался въ лаврѣ Печерской въ Кіевѣ; тамъ же и погребенъ***).

Годъ его смерти точно неизвѣстенъ; вѣроятно послѣдовала она въ другой половинѣ XV. столѣтія. Въ жизнеописаніи отцевъ пещеры св. Ѳеодосія въ Кіевѣ, чтется о немъ: „Преподобный Федоръ Даниловичъ, князь Острожскій, оставивъ прелесть міра сего и княжескую славу,

---

*) Przegląd pol. 1872.

**) Шараневичъ Ист. 374.

***) Stebelski III 46.

взявъ на себе святое иночество и такъ подвизався крѣпко о согласеніи своемъ, угождаючи Богу ажь до смерти, душу свою всяко украшаючи, Господеви въ руцѣ отдалъ".

Такъ отже является князь Федоръ яко истинный рыцарь, — за жизни воевалъ бодро, въ старости жилъ иночески въ монастырѣ, якъ и нашъ галицкій князь Левъ, скончавшійся въ монастырѣ Лавровскомъ. И жена его, княгиня Агафія, тоже померла въ Кіевѣ яко инокиня, неменьше и братъ молодшій князя, Александръ.

Но другая участь суждена братьямъ его, Димитрію и Михаилу; оба погибли на полѣ славы въ битвѣ надъ Ворсклею, впадающею отъ Востока въ Днѣпръ. Битва та происходила 1399 г. Во главѣ русско-литовскихъ полчищъ стоялъ Великій князь литовскій Витовтъ, во главѣ Татаръ ханъ Тамуръ Кутлукъ, по другимъ — Темиръ Куклай названъ. Воинство христіанское подступомъ и перемагающими силами было розбито, воды Ворскли зачервенѣлись, самыхъ князей литовскихъ и русскихъ погибло выше семдесять въ той ужасной битвѣ, въ ихъ числѣ такожь братья князя Федора Острожского, Димитрій и Михаилъ... Велика была потеря, но и дальшіи послѣдствія немаловаж-

ны, иб о Татаре, правда, опустошили Русь огнемъ и мечемъ, но они понесли такожь такій уронъ, что сила „золотой орды“ была на всегда сокрушена и они, подѣлившись на партіи, чѣмъ разъ больше ослабѣвали*).

Князь Василій Федоровичъ.

Князь Василій Федоровичъ, сынъ попередняго, названный Краснымъ, былъ двукратно женатъ; первая жена была Ирина, дочь Симеона, князя Збаражского; вторая Анна, сродница Великого князя литовского Витовта, которая убольшила имѣніе мужа шестью селами, Витовтомъ ей приданными.

Сей князь былъ великимъ защитникомъ Руси противъ Татаръ, и на томъ основаніи требовалъ нѣсколькократно на сеймахъ, совокупно съ литовскими князями, присоединенія Подолья, Олеска, Лопатина и другихъ округовъ русскихъ, занятыхъ польскими войсками.

Въ борьбѣ Свидригайла съ Ягайломъ, князь Василій стоялъ по сторонѣ послѣдняго, яко сродника, со-исповѣдника и приверженца

---

*) Послѣ грамоты В. кн. Витовта, выставленной 1430 въ Новгородкѣ. Grabowski i Malin. Źródła I.

русскихъ князей, и купно съ отцемъ своимъ боролся мужественно при занятіи города Луцка, лежащого надъ Стиромъ. Позднѣйше однакожь, помимо храбрости его, не повелось ему счастливо въ битвѣ между Кремянцемъ и Тиванемъ, гдѣ 1431 г. разомъ съ Балабаномъ потерпѣлъ значительное пораженіе отъ полчищъ Ягайлы*).

По смерти Владислава III, павшого 1444 г. въ борьбѣ противъ Турковъ подъ Варною, выступилъ онъ 1446 г. на сеймѣ въ Петриковѣ, разомъ съ другими князьями и вельможами литовскими и русскими, за избраніемъ Казиміра Ягайловича въ короли польскіи, который, яко Вел. князь литовскій, при вліяніи матери своей русской княгины Софіи, и при сожитіи съ вельможами литовскими, значительно былъ обрусѣлъ, якъ то и русская часовня въ краковской каѳедрѣ до сего дня доказуетъ.

Больше чѣмъ на военномъ поприщѣ сдѣлалъ онъ прислуги своему народу сооруженіемъ многихъ замковъ и укрѣпленій противъ Татаръ въ Острозѣ, Заславѣ, Дубнѣ и пр.

Въ духовномъ направленіи князь Василій былъ такожь дѣятельнымъ. Ему то приписуютъ основаніе церкви, монастыря и архиман-

*) Stebelski III 47.

дріи въ Дерманѣ, между Острогомъ и Дубномъ лежащемъ*).

Кромѣ того вѣкопомного дѣла создалъ онъ такожь великую и хорошую церковь Богоявленія на высокой горѣ замковой въ Острозѣ, въ которой и погребенъ 1450 г.; здѣсь ему поставленъ былъ памятникъ надгробный, который однако въ 1773 г. чернецъ Игнатій Стебельскій нашелъ уже значительно разореннымъ, ибо сводъ церковный уже давно былъ палъ.

Позднѣйше перенесено мощи князя Василія внукомъ его, Константиномъ Ивановичемъ, въ Кіевъ.

Оставилъ Василій Федоровичъ двохъ сыновъ, Юрія и Ивана, между которыхъ подѣлилъ свои имѣнія такъ, что Заславъ съ принадлежностями получилъ Юрій и началъ родоводъ князей Заславскихъ, Иванъ же, получивши родимый Острогъ, стался имѣній, имени, славы и добродѣтелей предковъ своихъ наслѣдникомъ и послѣдователемъ**).

---

*) Boxhornii Oratio. Lugd. Bahao. 1642. — Stebelski III 49. — Wielądek Heraldyka 431.

**) Stecki, Wołyń pod wzgl. stat. histor., archeol. Lwów 1861. I.

Князь Иванъ Васильевичъ.

Князь Иванъ Васильевичъ уже въ нѣсколько лѣтъ по смерти своего отца имѣлъ случайность, показати свою мужественность, ибо въ 1453 г. напали перекопскіи Татаре на Подолье и подступили подъ древній княжескій городъ престольный, Теребовлю, надъ рѣкою Гнѣзною лежащій. Тьмы поганства залягли всю ровнину подъ стѣнами сего города. Князь Иванъ собралъ на скорости Волынцевъ, присоединилъ къ своему войску отдѣлъ польскихъ воиновъ подъ командою Ланца и спѣшилъ днемъ и ночью притѣсненнымъ Теребовлянамъ съ помощію. Съ нѣсколькихъ сосѣднихъ холмовъ напалъ онъ нечаянно на Татарву и такъ ее поразилъ и розгромилъ, что почти ни нога изъ нихъ не ушла*). Великіи сокровища, по дорозѣ Татарами на Руси захваченныи, попались въ его руки, а что еще больше: 9.000 повязанныхъ плѣнныхъ христіанъ освободилъ онъ изъ тяжкой неволи. Добычею татарскою обдѣлилъ онъ освобожденныхъ плѣнниковъ и своихъ воиновъ и съ большою радостію обходилъ со спасенными Теребовлянами праздникъ самъ свѣтлѣйшій,

*) Niesiecki VII. l. c. — Stryjkowski. — Stebelski II. 50.

ибо Воскресеніе, или Пасху, въ то время припадающій, и праздникъ побѣды надъ супостатами вѣры и народа.

Теребовляне еще не дожили прежде никогда такъ сумной Страстной Седмицы среди горящихъ селъ и передмѣстій и среди угрозъ черной толпы, о врата и стѣны города ударяющей, но и никогда еще не заграли колоколы многихъ теребовельскихъ церквей такъ веселую пѣснь воскресную. Все спѣшило съ хоругвями, свѣщами и пѣснями въ станъ побѣдоносного князя Ивана, привѣтствуя его яко ангела-хранителя, а городское старшинство пригласило и князя, и его полководцевъ на „Христосъ воскресе“ и на священное яйце. Мѣщанство же цѣлый день выносило все, что имѣло готового, въ таборъ, дѣлясь до послѣдняго кусня съ геройскими воинами князя Острожского. Роспорядивши еще въ таборѣ всеобщій молебенъ и отпѣвши погибшимъ русскимъ воинамъ „Вѣчную память“, а потомъ веселое „Христосъ воскресе“, — попращался князь Иванъ съ Теребовлянами и отпустилъ свои полки розличными дорогами домой, чтобы придорожнымъ жителямъ не стались великимъ тягаремъ. Но когда довѣдались о сбывшихся происшествіяхъ Подоляне и Волыняне — выходили всюда громадно

на встрѣчу славнымъ воинамъ и росхватывали ихъ подъ свои гостинныи стрѣхи.

Недолго наслаждался геройскій князь миромъ по трудахъ теребовельской битвы; онъ недармо носилъ знамя св. Юрія на своемъ щитѣ... Еще того самого года напали Татаре вторично на осироченную Русь, которая передъ 50 годами потеряла въ битвѣ надъ Ворсклею (впадающею на лѣвомъ березѣ въ Днѣпръ), въ 1399 г. неменьше якъ 74 князей, погибшихъ въ рати. Борьба съ поганцами и врагами была князямъ Острожскимъ завѣтнымъ хлѣбомъ.

Попамятавши свѣжо силу русского оружія, Татаре тѣмъ разомъ посѣтили сѣверныи стороны, которыи дальше отстояли отъ Острога, а при томъ меньше были истощены, затѣмъ большую давали надежду на богатый полонъ. Но и тамъ достигла ихъ тяжкая рука князя Ивана, и тамъ достигъ ихъ побѣдоносный мечъ его. Едва бо увѣдалъ князь Острожскій о новомъ нападеніи, розослалъ онъ на всѣ стороны посланцевъ, взывая всѣхъ на брань и означая мѣста собранія воиновъ. Но „Богъ высоко, царь далеко“, — тожь князь Иванъ Васильевичъ не ждалъ на препорученія или приказы свыше, а чѣмъ скорше двинулся самъ изъ Острога.

Слава его побѣдъ и его благосердіе на-

ганяли ему изо всѣхъ сторонъ доблестныхъ вытязей. По-передъ Острогъ плыветъ съ юга рѣка Горинь, впадающая въ притокъ Днѣпра, Припеть; недалеко отъ устья Горини пріймаетъ Припеть изъ сѣвера рѣку Случъ. Надъ тою-то рѣкою, недалеко города Слуцка, розложились Татаре таборомъ, роспуская загоны на всѣ стороны за полономъ; цѣлая окрестность зарыдала глубокимъ стономъ, всюда полилась русская кровь, цѣлая окрестность означилась высокими столбами огней, въ день чорными, въ ночи присвѣщающими... То боевый знакъ для князя Острожского! Онъ скоростію молніи пробрался черезъ лѣсы, по между багна, переправился вплавъ черезъ Припеть и помчался якъ стрѣла со своими вѣрными ѣздоками, велѣвши пѣхотѣ на поромахъ и лодяхъ переправлятись и за нимъ удвоеннымъ ходомъ поступати. Ходило бо о томъ, чтобы поганую орду заскочити, закѣмъ на своихъ скорыхъ коняхъ степовыхъ уйдетъ съплѣнными и со всею добычею въ Крымъ.

Подъ Красновомъ, въ долинѣ рѣки Случи, напалъ князь Иванъ на бисурмановъ и розгромилъ ихъ такъ, якъ и подъ Теребовлею, спасая многихъ христіанъ отъ смерти, или отъ тяжкой неволи.

И въ многихъ другихъ поменьшихъ битвахъ отличился князь Иванъ, тожь и заслужилъ себѣ на признательность короля Казиміра IV Ягайловича, а еще больше своего народа русского*).

Но не только на военномъ поприщѣ былъ князь Иванъ дѣятельнымъ; онъ держался крѣпко прадѣдней вѣры и печалился о благосостояніи ея въ русскихъ краяхъ. Кромѣ украшенія и снабженія многихъ храмовъ, онъ создалъ въ Межирѣчьи Острожскомъ, лежащемъ между рѣками Збитенкою и Виліею, и только полъ мили отдаленномъ отъ Острога, великую и хорошую церковь, которую въ позднѣйшихъ столѣтіяхъ перестроено въ польско-латинскій кляшторъ. Церковь та была построена по образцу и розмѣрамъ замковой церкви въ Острозѣ, которую послѣднюю отецъ его, князь Василій, создалъ, немножко лѣтъ передъ тѣмъ.

И въ родинномъ кругѣ былъ князь Иванъ счастливъ. Его жена, княжна Глинская, происходящая изъ первыхъ вельможъ Литвы, могущественныхъ князей Глинскихъ, обдарила его 3-ма дочерями и 2-ма сынами. Одна изъ до-

*) Niesiecki VII l. c. — Stebelski III 50.

черей его, именемъ Марія, обвѣнчана около 1528 г. съ Андреемъ Сангушкомъ Любартовичемъ, происходящимъ отъ славного князя Любарта, княжившого нѣсколькократно въ галицкой и володимірской земляхъ; другая, которой имя неизвѣстно, выдана была за князя Симеона Олизаровича, которого дочь Анастазія двукратнымъ супружествомъ связала князей Ковельскихъ и Вишневецкихъ съ князями Олизаровичами и съ Острожскими*). Сыновъ оставилъ князь Иванъ: Константина и Михаила.

Князь Михаилъ Ивановичъ.

Князь Михаилъ Ивановичъ получилъ отъ короля Александра староство луцкое въ 1503 г., но онъ скоро упокоился, оставивши дочь княжну Марусю и сына Романа. Дочь выдана была за знаменитого боярина Матѳея Еловицкого; — обое жили въ благо- и долгоденствіи еще за Сигисмунда-Августа.

Князь Романъ Михайловичъ.

Князь Романъ Михайловичъ, по примѣру своего дѣда Ивана и подъ окомъ стрыя Константина, заправлялся съ юныхъ лѣтъ къ

*) Jagiell., Pag. II 40. Steb. III 50.

борьбѣ съ поганцами. Кто наслѣдилъ по предкахъ великое имя, тотъ обнялъ и великіи должности — послѣдовати славнымъ дѣламъ и добродѣтелямъ, иначе память таковыхъ будетъ горькимъ упрекомъ со стороны живущихъ, что недостойно носятъ имя предковъ...

Молодый князь Романъ хорошо тое понималъ и ставался достойнымъ своего рода, но онъ не былъ такъ счастливымъ, якъ князья Федоръ, Иванъ и Константинъ Острожскіи, которыи стократно были въ опасности: лишитись жизни, и стократно вышли неповредимы.

Въ 1516 году налали Татаре, якъ обыкновенно, на Русь и, роздѣлившись на четыре отдѣлы, разоряли огнемъ и мечемъ Подолье въ окрестности Межибожья, Хмельника, Синкова и Каменца. Часть Татаръ загналась даже подъ Бужескъ*) и здѣсь была истреблена.

---

*) Script. rer. pol. II 147: ad Busko usq. in Peucinis quidam excurrerunt, ad internecionem ferme sunt caesi... In his conflictibus Romanus Volhinensis, vir fortis, Constantini Ostroviensis ducis nepos, dum fugientes Tartaros avidius insequitur..... cecidit. Niesiecki VII 173 seq.... Rozsiekli go prawie w oczach stryja pod Buskiem. Bielski II. Roku 1516 .... gdy jedni na drugie (kasztelani, starost., szlachta) patrzyli, Ruś i Pod. Tatarom jako na mięsne jatki wydali, którzy.... u Buska się położyli... wzdłuż i wszérz wsi, dworce i miasteczka wypalili... Kusili się natenczas Tatarowie i o Busko...

Но при сей случайности молодый князь Романъ, сражавшійся мужественно, когда въ середину татарской толпы ворвался, стеля все въ-округъ себе трупомъ, потерялъ подъ собою коня и, закѣмъ успѣлъ изъ подъ него выдобытись, былъ отъ прискочившихъ Татаръ розсѣканъ почти предъ очима своего стрыя, гетмана Константина Ивановича, прежде, закѣмъ той же успѣлъ продертись чрезъ тьмы Татаръ**).

Нѣкоторыи писатели говорятъ, что то случилось подъ Межибожьемъ, но мы послѣдуемъ здѣсь современному секретарю и историографу короля Сигисмунда I, Ваповскому, имѣвшему приступъ къ актамъ державной канцелярiи, тоже Несецкому, который о смерти молодого Романа подъ Бужескомъ розсказуетъ.

Добродѣтели или злодѣянія, водворившіися въ родинѣ, переходятъ и на потомковъ, ибо

**) Stryjkowski kron. II 391: ...zaś xiążę świętej pamięci i wiecznej sławy godny Roman, kniazia Constantina Ostroskiego synowiec, na drugi zagon Tatarski uderzył, a gdy Tatarowie rozgromieni jusz uciekać chcieli, kniaź Roman z wielkiej zapalczywości w środek ich skoczył; tam gdy własną ręką poganów kilka zabił, wnet za nieszczęściem koń pod nim padł, a Tatarowie przyskoczywszy, kniazia Romana w sztuki rozsiekli.

слова матери вліяютъ и розгрѣваютъ, примѣры отца порываютъ обыкновенно сыновъ за собою.

То скрѣпляютъ не только пословицы народныи во всѣхъ языкахъ, но и пѣсня русская голоситъ: „Якій отецъ, такій сынъ“. То сбылось точно и въ родинѣ князей Острожскихъ оного времени.

Мы видѣли прежде, якъ мужественно подвизался князь Иванъ Васильевичъ,— тоже и сынъ его Константинъ не лишился за нимъ, но противно, отъ юныхъ лѣтъ возрастая на конѣ, съ мечемъ и копіемъ въ рукахъ, угаяясь за врагами до самой поздной старости, онъ даже превзошелъ отца своего достойного*).

Князь Константинъ Ивановичъ.

Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій уже скоро далъ познати свои знаменитыи дарованія къ военному званію, свою неустрашимость въ опасностяхъ, свое повиновеніе старшимъ и точность въ исполненіи на него вложенныхъ обязанностей. Тѣмъ пріобрѣлъ онъ себѣ такое довѣріе у всѣхъ, что гетманъ литовскій Петръ Ивановичъ Бѣлый на смертномъ одрѣ, вопрошенъ великимъ княземъ ли-

*) Kamiński. Leg. hist. Pozn. 1863 p. 247.

товскимъ Александромъ, кого призналъ бы найспособнѣйшимъ къ гетманской булавѣ, не только представилъ князя Константина яко найдостойнѣйшого, но и горячо препоручилъ его своему государю.

Тожь 1498 г. обнялъ Константинъ начальство надъ всѣмъ войскомъ литовскимъ и положенное въ немъ довѣріе совершенно оправдалъ, ибо ни одинъ изъ военачальниковъ Польщи и Литвы столькократно не сражался, и то почти всегда — изъявши два случаи — побѣдоносно.

Многократно уже прежде вытягалъ князь Константинъ свое оружіе, многократно и относилъ со своими отдѣлами побѣды. Но другое дѣло: предводити отдѣлу, а совсѣмъ иное — предводительствовати цѣлой арміи, къ тому арміи, изъ рознородныхъ стихій состоящей.

Обстоятельства были тогда некорыстны, ибо того самого года, вслѣдствіе похода короля Іоанна Альберта на Сучаву, Волохи не только уничтожили цѣлую армію его, но еще мстячися, преслѣдуючи свою побѣду, вкупѣ съ Татарами, и Турками вдерлись на Русь и опустошили все отъ рѣки Прута даже по городъ Канчугу, 5 миль за Перемышлемъ къ западу лежащій, тоже сожгли городы Перемышль, Ланцутъ и

всю землю по Вислокъ, забирая съ собою около 100.000 народа въ неволю*).

А тутъ пришлось новому верховодителю, при такомъ истощеніи силъ и средствъ, сражатись въ самомъ началѣ своего званія, безъ долгихъ приготовленій, съ могущественною державою, уже долшее время къ брани приготовлявшеюся.

Такъ исходъ неудивителенъ. Еще бо не проминулъ и годъ отъ времени, когда князь Константинъ сталъ архистратигомъ литовскимъ, а уже пришло къ кровопролитной войнѣ между Иваномъ III. Васильевичемъ, Великимъ княземъ московскимъ, и Александромъ, Великимъ княземъ литовскимъ, братомъ тогдашняго короля польского Яна Ольбрахта, по причинѣ притѣсненія православія, а еще больше въ видахъ росширенія московского княжества. Упрекалъ бо Великій князь Иванъ своего затя, Вел. князя Александра, что, по уговору, не создалъ въ виленскомъ замкѣ православной церкви для Вел. княгини Елены, а кромѣ того зажелалъ, правомъ древнихъ предковъ своихъ, возвращенія

*) Centum prope millia hominum capta esse feruntur. Лѣтопись Густинская и Cev. Tub. Con., тоже Miechov. LXXV въ Script. rerum Pol. II 262, 305, 383.

отъ Литвы всѣхъ русскихъ земель по рѣку Березину.

Польскіи писатели сваляютъ всю вину за тую войну на Вел. князя Ивана, но тѣ самыи пишутъ, что не только по уговору непостроено церкви въ виленскомъ замкѣ, но такожь Елену, яко православную, неприпущено къ коронаціи яко королеву, а даже по смерти мужа несоизволено ей возвратитись въ отечество, а когда она нѣсколькократно уходила, всегда ее яко плѣненную въ дорозѣ задерживали и была она въ Литвѣ принуждена оставати даже до смерти своей, случившейся 1513 г., затѣмъ чрезъ 7 лѣтъ. (Stryjk. II. 373. Bielski 968. Gwagnin Kronika Sarmacyey europ. Krak. 1611 p. 266,267.)

Война розгорѣлась 1499 г. — Московскіи войска, подъ предводительствомъ воеводы Якова Захаринича, въ силѣ выше 40.000, вошли въ сѣверскую землю, взяли Брянскъ, Черниговъ, Рыльскъ, Дорогобужъ и другіи важныи городы, и пріостановились при рѣцѣ Ведрошѣ, названной нынѣ Иростна, въ смоленской губерніи, идучи сюда отъ Дорогобужа къ Западу.

Константинъ Острожскій, едва успѣвши собрати 4000 войска, посувался отъ Смоленска къ Востоку, остановился о двѣ мили отъ московской арміи между селами Лопушною и Ве-

дрошею и созвалъ здѣсь военный совѣтъ по причинѣ многочисленности непріятельского войска. Совѣтъ рѣшилъ: ударити немедленно на непріятеля и проложити себѣ дорогу на самую Москву. Константинъ, зная численность непріятельскихъ силъ и ихъ корыстное становище, не соглашался съ тѣмъ, но подчинился общему голосу совѣта, потягнулъ тѣсными лѣсами и болотными дорогами, скоро вышелъ изъ лѣса въ поле и ударилъ на войско Захаринича.

Борьба была горяча, съ обохъ сторонъ много погибло. Захариничъ, не зная множества литовского войска, опирающогося о лѣсъ, отступилъ за рѣку Ведрошу, а за нимъ посунулись и Литовцы въ открытое поле. Теперь, узрѣвши Захариничъ, что противниковъ весьма мало, и увѣдавши, что въ лѣсѣ и въ цѣлой окрестности Константинъ не имѣетъ ніякихъ подкрѣпленій, ударилъ на Литовцевъ всею силою, окружилъ ихъ своими численными полками, отнесъ совершенную побѣду и взялъ въ плѣнъ Константина Острожского и знатнѣйшихъ полководцевъ его, Григорія Остика, Литавора Хребтовича, Николая Глѣбовича и другихъ, которыхъ выслалъ въ Москву*).

*) Stryjk. Kronika II 309, 310.— Niesiecki VII. l. c Moracz. II 68.— Steb. II 46, III 53.— Szujski II 125.— Bielski Kron. 908. — Густинск. лѣтоп. г. 7007.

Иванъ Васильевичъ умѣлъ цѣнити мужественность князя Константина Ивановича Острожского и прото старался его склонити, чтобы принялъ у него чинъ воеводы. но понеже той отказывался многократно отъ сего, такъ и былъ, яко найопаснѣйшій изъ плѣнныхъ достойниковъ литовскихъ, заключенъ въ сильно укрѣпленномъ замкѣ надъ Вологдою, далеко на сѣверѣ отъ Москвы, и былъ здѣсь строго стереженъ.

Когда послышали Перекопскіи Татаре, что князя Константина не стало: уже слѣдующого года ворвались въ Русь и Польшу и опустошали все огнемъ и мечемъ въ окрестностяхъ Владиміра, Красника, Белза и Люблина. даже по Вислу, отведши же полонъ въ Крымъ. въ осени того же года вторично возвратились назадъ. сожгли Ланцутъ и Лежайскъ. перешли подъ Завихостомъ Вислу и опустошили все, даже по Опатовъ, почти въ серединѣ между Краковомъ и Варшавою лежащій. а на возвратномъ пути разорили окрестности Берестя литовского*).

---

*) Wapowski w Script. r. p. II. 37. — Miechov. LXXVI. in Script. r. p. II. 264. Bielski 908 seq. Stryjk. 308. s.

Кромѣ поменьшихъ нашествій, въ 1502 г., сожгли Татаре сновь Белзъ, Радимно, Ярославъ, Решовъ и вторично оперлись даже подъ Опатовомъ и Пацановомъ, обременившись до истощенія полономъ; въ 1503 г. опустошили они окрестности Слуцка, Клецка, Несвѣжа и Новгородка*).

Въ 1505 г. ограбили окрестности Минска, Новгородка и Вильны, 1506 опустошали окрестности Лиды и Клецка въ Литвѣ (Wapow. w Script. r. p. II. 66, 67).

Такъ розбуялись поганцы во время отсутствія князя Константина, и то, не взирая на то, что Заволжскіи Татаре съ Перекопскими двукратно у береговъ Днѣпра кровопротитную имѣли съ собою борьбу, ибо Заволжскіи стояли по сторонѣ Литвы и Польщи, а Крымскіи по сторонѣ Москвы.

Къ тому присоединились еще и напады Волоховъ подъ предводительствомъ господаря Стефана, мстящогося за сожженную столицу Сучаву, а позднѣйше подъ его сыномъ Богданомъ, которыи-то напады по-при Львовъ и Перемышль даже до рѣки Вислока сягали, опустошая все огнемъ и мечемъ въ окрестности Ярославля,

---

**) Густинская лѣт. годъ 7011.

Радимна, Порохника, Канчуги и Переворска (Wapowski p. 33. w Script. r. p. pol. II.)

А то не дивно, ибо русскихъ людей не было кому вести къ борьбѣ, о другихъ же пишетъ лѣтописецъ Стрыйковскій: Król... szlachcie wszystkiej kazał się na wojnę ruszyć, a u Sędomirza bez omieszkania zbrojno stawić, na co, gdy się naszy leniwo zbierali, nieprzyjaciel, obciążony łupami, do hordy się wcale wrócił, co usłyszawsze naszy, do domów się też wrócili, gdy nie mniejszą jako Tatarowie Sendomirski kraj szkodą utrapili, tylko co wżdy ludzi w niewolą nie brali*).

Такъ водилось въ Польщѣ во время отсутствія князя Константина Острожскаго. Когда же Татаре, по уговору съ Литвою и Польщею, стали и земли московского княжества опустошати, а Константину Острожскому его долгій плѣнъ ставался невыносимымъ: на повторительное предложеніе Вел. князя московского принялъ онъ именованіе въ военачальники московскіи противъ Татаръ, отвѣчныхъ враговъ своего отечества, поразилъ ихъ въ нѣсколькихъ битвахъ и, затуживши за своимъ Острогомъ, — ушелъ изъ побѣдоносного табора, въ сопро-

*) Stryjk. II. 305.

вожденіи нѣсколькихъ вѣрныхъ слугъ, чрезъ дикіи татарскіи поля.

Но и яко военачальникъ стоялъ онъ подъ строгимъ надзоромъ, а когда замѣтили его бѣгство, выслали за нимъ погоню. Уже князь замѣтилъ хмару пыли гонящихъ за собою, но скромная церковь украинская, переполнена народомъ (былъ бо то день воскресный) спасла его отъ вторичного плѣна.

Не теряя присутствія, онъ велѣлъ слугамъ своимъ дальше уходити, самъ же скочилъ изъ коня и удался въ церковь, гдѣ пребывалъ до конца богослуженія, потомъ смѣшался съ выходящимъ народомъ, попалъ на первую въ другомъ направленіи ведущую тропинку, избѣгнулъ счастливо погонѣ и прибылъ, по 8-лѣтнемъ отсутствіи, во свояси*).

Между тѣмъ зашли значительныи произшествія въ Европѣ. Царь Иванъ (1505) и король Александръ (1506) померли; ихъ мѣста заняли Василій Ивановичъ и Сигисмундъ Казимировичъ, братъ Александра. Ханъ Татаръ Заволжскихъ, Шахматъ, пребывалъ увязненнымъ въ Ковнѣ, гдѣ позднѣйше такожь померъ. (N. Miechov.

*) Niesiecki VII 447 seq.

LXXXI in Script. r. p. II 278.) Такъ князь К. Ив. О., освободившійся отъ плѣна, засталъ владѣтелей другихъ, но обстоятельства тіи же самыи. Татаре Перекопскіи, смявши Заволжскихъ, сновь по прежнему вдерлись 1509 г. въ предѣлы Руси и Литвы, перешли Днѣпръ и Припеть и опустошали окрестности Слуцка.

Но теперь былъ уже Константинъ дома. Собравши вскорѣ своихъ воиновъ, двинулся онъ въ страждущіи окрестности и съ помощію Павлуся, славного козака, и Луки Моравца, на многихъ мѣстахъ поганцевъ въ трехъ сраженіяхъ поразилъ, плѣнныхъ освободилъ, добычь отобралъ, а плѣненныхъ Татаръ на предмѣстьѣ своего Острога осадилъ*).

Нѣсколько лѣтъ позднѣйше, т. е. 1512 года, приключилась князю Константину Острожскому сновь случайность: погуляти съ Татарами, ибо, хотя татарскій ханъ получалъ отъ Сигисмунда рочный подарокъ грошевый, но, не взирая на то, съ весною реченного года вдерся онъ „черным шляхомъ“ чрезъ Волынь въ Русь, ропосложился табором между Бускомъ и Олескомъ и розослалъ изъ своихъ 25.000 воиновъ большую часть за полономъ, которыи на своихъ

**) Wapowski II 83. Bielski 963.

быстрыхъ коняхъ*) по всей окрестности роспускали заѓоны и дотерли до Перемышля, а обременившись добычею, сносили тую же въ укрѣпленный свой таборъ, нанося ужасныи опустошенія**) русскимъ землямъ, именно львовской, люблинской и белзской.

Съ меньшими отрядами ихъ сражались наши на многихъ мѣстахъ***) и небезуспѣшно, якъ то надъ Бѣлкою, но тѣмъ немного сдѣлано. ибо головная ихъ сила стояла долшее время ненарушимою.

Наконецъ, стягнувши все изъ краю, что дало унестись или согнати, а прочее вырубавши, сжегши и потоптавши, двинулись тьмы той черни изъ мѣста, чтобы отнести полонъ и сновь вскорѣ вернутись на готовое жниво.

Всюда возносились высокіи столбы пламеней, изо всѣхъ сторонъ роздавались крики избиваемыхъ людей, всюда подносились сердца роздирающіи рыданія и плачъ повязанныхъ

---

*) Wap. Nil Scythico equitatu celerius.

**) Wap. 106: Vastata est Roxia (Rossia, Russia) atrocissime ferro et igne, terribiii hostium, ut mos est Scythis, excursu.

***) Wap. 108 sexies, Stryjk. II 371: dwanaście utarczek.

плѣнниковъ, гнаныхъ въ далекій яссыръ. Цѣлая когда-то цвѣтущая долина Буга застогнала однимъ великимъ воплемъ...

Князь Константинъ, собравши своихъ Волынцевъ и присоединивши къ нимъ полки великого гетмана коронного Николая Каменецкого, рѣшилъ въ хорошо ему извѣстной окрестности заступити Татарамъ дорогу.

Обчисливши всѣхъ своихъ воиновъ, показалось ихъ не больше, якъ 6.000. Понеже съ такимъ числомъ нелегко устояти противъ 25.000 Татаръ въ открытомъ полѣ, избралъ Константинъ свою домашнюю рѣку Горинь яко точку оборонительную, ибо тая рѣка творитъ премногіи ставы и болота, которыи Татарамъ могли бы препятствовати въ розвитіи всѣхъ своихъ силъ на одномъ мѣстѣ, а при томъ не допускати ихъ къ тому, чтобы могли отдѣламъ, болотами отъ себе роздѣленнымъ, когда нанесется на нихъ усиленный ударъ, во свое время къ помощи приспѣти.

Такимъ образомъ 6.000 воиновъ, которыи не могли имѣти надежду на побѣжденіе 25.000 соединенныхъ Татаръ, могли хорошо побѣдити каждый изъ ихъ обособленныхъ отдѣловъ, хотя въ близости находящихся.

Ханъ Мендликерей поступалъ на возвратномъ пути отъ Буска и Олеска малыми маршами, ибо множествомъ добычи и плѣна былъ онъ обремененъ. Идучи „чернымъ шляхомъ“, чрезъ Волынь ведущимъ, приспѣлъ онъ, наконецъ, въ окрестность Вишневца, лежащого надъ Горинемъ, недалеко отъ обще-извѣстного Почаева.

Войска коронныи заняли средоточіе и лѣвое крыло. Константинъ станулъ на правомъ крылѣ и отвелъ своихъ воиновъ значительно въ сторону, чтобы, занявши небольшій холмъ, изъ того же провалитись въ долину и цѣлою силою ударити на вражій отдѣлъ, между болотами уставленный.

Якъ только Татаре, при восходящемъ солнцѣ, познали Константина съ его Волынцами, произвели огромный напоръ превозмагающими числомъ силами, ибо знали, что, если Константинъ не додержитъ поля, то и прочіи не устоятъ.

Розвинулась горячая борьба, много пало по обомъ сторонамъ и правое крыло нашихъ подалось немножко въ задъ. Въ томъ мгновеніи далъ князь Константинъ знакъ прочимъ полководцамъ, и Николай Каменецкій ударилъ

со своимъ средоточіемъ на Татаръ, а между тѣмъ ворвался одинъ отдѣлъ въ татарскій таборъ, подальше стоящій, и сталъ розрѣзывати цѣпи и шнуры плѣненыхъ христіанъ. Тіи, почувши свободныи руки, верглись вразъ съ тѣмъ отдѣломъ съ тылу на Татаръ, которыи теперь, изъ трехъ сторонъ взяты въ огонь, стали отступати и потерпѣли повсемѣстное пораженіе.

16.000 плѣненыхъ христіанъ освобождено, 10.000 коней и прочую громадную добычь отнято. Недобитки Татаръ розбѣглись и, перебыты селянами, блукалися по лѣсамъ и у переправъ рѣкъ волынскихъ и подольскихъ*).

Участвовали въ той славной битвѣ, кромѣ князя Константина Ивановича Острожского, такожь: князь Михаилъ Вишневецкій съ сынами Иваномъ и Александромъ, тоже князь Андрей Збаражскій, князь Александръ Чорторыйскій и Юрій Николаевичъ Радивилъ, а съ дальшихъ сторонъ двохъ Каменецкихъ, двохъ Кмитовъ, Як. Потоцкій, Іоаннъ Одроужъ, Іоаннъ Тарновскій и много другихъ*).

Первого изо всѣхъ, т. е. Константина Острожского, называетъ современный лѣтопи-

---

*) Wapowski in Scr. r. p. II. 137.

*) Bielski. Kron. 965.

сецъ*) найславнѣйшимъ героемъ своего времени, а князя Андрея Збаражского и Михаила Вишневецкого наймужественнѣйшими вождами.

Король Сигисмундъ I. возрадовался весьма тѣмъ извѣстіемъ о сей побѣдѣ, въ которой, хотя бы и не такъ, якъ лѣтописцы пишутъ, только сто мужей со стороны побѣдителей погибло, то навѣрно немного потеряно войска**.) Тожь Сигисмундъ повелѣлъ во всѣхъ храмахъ отправляти благодарственныи богослуженія и отказалъ посламъ хана Мендликерея дальшій рочный датокъ (jurgielt, Jahrgeld)***).

Такъ отнесъ мужественный князь Константинъ между Вишневцемъ и Лопушною преславную побѣду, ибо его предусмотрительному избранію мѣста сраженія, его устроенію боевой линіи, его личному мужеству и порывающему

---

*) Wapowski 108. Ex Lituanis ac Russis Constantinus Ostroviensis Dux bellator sui temporis famigeratissimus, Andreas de Sbarasio et Michael Visnovecius fortissimi duces. — Stryjkowski II. 367. — Stebelski III. 54.

**) Wap. 108. Stryjk 370. Steb. полагаетъ 400.

***) Wap. 109. Bielski 963. 966. Szujski II. 178.

вдохновенію приписуютъ лѣтописцы сей потѣшительный успѣхъ*).

Одинъ изъ почти современныхъ писателей польскихъ такъ возвеличилъ князя Константина Острожского по причинѣ битвы Вишневецкой: (Въ битвѣ подъ Вишн.)....

Kniaź Wiśniowiecki był z synami
I kniaź Andrzej Zbaraski, z których hetmanami
Każdy mógł być, lecz książe on Constanti święty
Był od wszystkich za sprawcę zwierzchnego
przyjęty.
Kniaź też Constanti z pany koronnymi radził,
Jakby przeciw Tatarom uphy**) swe rozsadził,
Fortele przeciw mocy zwykle wynajdował,
Bo już z pogany stokroć pod tym się kosztował.
A kniaź Constanti Litwę z Wołyńcy na stronę
Odwiódł, chcąc sam za wszystkich wziąć na
się obronę.
Daleko od polskiego wojska stanął czołem,
Chcąc na Tatary przypaść przez pagórki dołem,

*) Stryjk. II. 371. Constantin Iwanowicz Ostroskie sławny a świętej pamięci Xiąże... najprzedniejszy dank odniósł, gdyż za jego sprawą i przywodem, wszystek ten porządny triumph do skutku szczęśliwego Pan Bóg przywiódł.

**) T. j. hufce, отъ Huf, Reiter.

Jak Herkules buławą ku górze ciskając,
Każdego bratem zowie, serca im dodając.

Widzicie, jak się nędzni oracze błąkają,
Wygnani domy swoje spustoszone mają.
Widzicie, jako drugich ćmą wiodą w powrozach,
A panie i panny wiozą na ich własnych wozach
Ku hańbie, a ich mężów toż w łańcuchach pędzą!
Aż mu płacz nie da mówić przed tak srogą nędzą.

Krzyk, huk, hała! hała! brzmi z trąb, z bębnów grzmot straszny,
A świtanie rozjaśnia zorza Titan jasny.
Na kniazia Constantego zwykłym tańcem owym
Uderzyli, a on też wraz z wojskiem gotowym
Starł się z nimi ochotnie, strzały jak grad lecą,
A kniaź Constanti mając o swych pilną pieczą,
Krzyczy: „Nusz teraz, bracia, chęcią jednakową
Czyńcie, ja was zastawie najprzód swoją głową.“

Polacy w sprawie stali, gdy się Litwa biła,
Przeto Constanti krzyczał: Hej, w kim mężna siła!

Wiecie, iż szczęście druhom pomahajet śmiałym,
Mężnym Sława dank dawa, hańbę zniewieściałym.

A kniaź Constanti z Litwą tym śmielej naciera,
Wołając: Hej! w kim miłość jest ojczyzny szczéra,

Teraz ją niech okaże, teraz sławę swoją
Potwierdź każdy; owo ja przed wszystkimi stoję!
A iż w kniaziu Constantim moc wszystką być
znali,
Przeto się przeciw jemu wnet wszyscy*) nadali,
Rozumiejąc to, gdyby Constantin uciekał,
Juszby walny uph Polski Tatarów nie czekał.

Tak bitwę odnawiali poganie raz trzeci,
A kniaź Constanti krzyczy: Hej, nusz teraz
dzieci!
Naszeć zwycięstwo już jest, jeno docierajcie,
Na wolność, na swę bracię w pętach spamię-
tajcie**).

Шестилѣтнее перемиріе, между Польщею и Москвою посредствомъ Ивана Сапѣги заключенное, не долго длилось. Задерживаніе вдовы-королевы Елены, насыланіе Татаръ на Москву, неменьше и взгляды политическіи, далеко сягающіи въ будущность, подали поводъ царю ВасиліюИвановичу къ отновленію войны***) и то тѣмъ больше, что князь Михаилъ Глинскій увѣрилъ того же, яко населеніе литовско-русскихъ земель, пертое усиленною латинизаціею, сочувствуетъ видамъ Василія.

---

*) Розумѣются Татары.
** Bielski 942 ... a i że Tatary nań sadzą.
***) Stryjk. II. 365–370.

Съ весною отже 1514 года — двинулись войска Василія, подъ верховнымъ предводительствомъ Ивана Андреевича Челядина, къ Западу, заняли, при содѣйствіи князя Михаила Глинского, важную крѣпость Смоленскъ надъ Днѣпромъ и посунулись даже подъ Борисовъ надъ Березиною, гдѣ король Сигисмундъ остановился со своими полками, во главѣ которыхъ стояли князь Константинъ Острожскій и Свѣрчовскій. Первый привелъ 16.000 вправныхъ ѣздоковъ и немножко пѣшихъ, такъ что число всѣхъ воиновъ выносило около 30.000.

Совершивши здѣсь общій пересмотръ, оставилъ король 4.000 для своей защиты, прочихъ же, выше 25.000, выслалъ въ походъ.

Такъ якъ Сигисмундъ прибылъ въ близость зрѣлища войны, такъ само и Василій остановился въ Смоленскѣ. Челядинъ отмѣнилъ первоначальный планъ дѣйствія, отступилъ отъ Березины и остановился за Днѣпромъ, недалеко города Орши. Князь Константинъ поступалъ въ слѣдъ за нимъ и станулъ, наконецъ, у берега правого той же рѣки, у единственного брода въ сей сторонѣ.

Знаючи превозмагающее число противника, около 80.000, по польскимъ лѣтописцамъ, вы-

носящее, велѣлъ онъ нѣкоторымъ отдѣламъ черезъ рѣку съ противниками розговоривати и, будто, приготовлятись къ переходу рѣки въ бродъ, а между тѣмъ велѣлъ значительно низше на рѣцѣ построити мостъ и перевести всѣ орудія, тоже переправити пѣхоту, что истинно подъ ослоною ночи осуществлено.

Ст. первымъ бряскомъ, когда оный мостъ розорвался, вергся Константинъ со своими молодцами-ѣздоками въ воду и переплылъ тую же счастливо, такъ что только одинъ воинъ утопился. Цѣлый ранокъ, даже до второго часа съ полудня, устроевано войска. Челядину совѣтовали его воеводы, якъ только замѣтили переходъ противныхъ войскъ, ударити цѣлою силою на непріятеля, когда только съ половиною войска переправится на лѣвый берегъ.

Но Челядинъ, къ своему несчастью, не согласился на то и велѣлъ свои ряды въ весьма долгую линію ростягнути, намѣряя нечисленное войско Константина окружити*). Но Константинъ усадовилъ свои орудія въ хащахъ, отправилъ отдѣлъ въ 800 коней въ подальшій лѣсъ на засаду, самъ же бросился на лѣвое крыло Челядина.

---

*) Gwagnin Kron. Sarm. 104.

Борьба была горяча и продолжительна, поля покрылись мертвецами, побѣда клонилась то въ ту, то въ другую сторону... Въ самомъ розгарѣ битвы, князь Константинъ, по словамъ одного изъ тогдашнихъ писателей, гремѣлъ на свои полки и, потрясая долгою бородою, додавалъ имъ духа, уговоривая ихъ, что побѣда уже наша, — еще только нужно довершити ее.

Наконецъ далъ знакъ одному отдѣлу, бросится за нимъ, яко бы убѣгаючи и глядаючи спасенія въ хащахъ, когда же отдѣлы Челядина за нимъ погнались и чѣмъ разъ больше противниковъ туда стремилось, розступились ѣздоки Константина на двѣ стороны, а скрытыи орудія начали гремѣти и произвели громадный уронъ въ рядахъ противника.

Въ томъ мгновеніи оный отдѣлъ изъ 800 ѣздоковъ вылетѣлъ съ огромнымъ крикомъ изъ лѣса и устремился на колебающихся воиновъ Челядина. Константинъ отнесъ совершенную побѣду и преслѣдовалъ уходящихъ до рѣчки и села Кропивны, нѣсколько миль отъ Орши отстоящихъ.

Челядину и его воеводамъ приключилось здѣсь подъ Оршею то само, что Константину надъ Ведрошею; онъ потерялъ 32—40.000 воиновъ, достался съ многими другими знамени-

тыми вождами въ плѣнъ и былъ отведенъ въ Борисовъ, гдѣ Константинъ угощалъ ихъ обильно, потѣшая ихъ непостоянностію судьбы.

Такъ дарованія князя Константина Острожского и его личная мужественность, совокупно съ довѣріемъ, якое себѣ у воиновъ пріобрѣлъ, покрыли его новою славою. Онъ въѣздилъ въ тріумфѣ въ стѣны литовской столицы, въ городъ Вильну.

Сигисмундъ повелѣлъ позднѣйше князю Константину Острожскому изъ побѣды Оршанской хосновати и Смоленскъ царю Василію отобрати. Но то уже не пошло такъ успѣшно, ибо тотъ городъ належалъ къ найсильнѣйшимъ крѣпостямъ европейскимъ, имѣвшій самое важнѣйшее стратегическое значеніе для обохъ смежныхъ державъ, и прото безуспѣшно покушались прежде московскіи войска пальбою изъ трехсотъ орудій принудити коменданта Соллогуба къ сдачѣ его, и только православный духъ населенія, вмѣстѣ съ убочными поводами, отдали крѣпость въ руки царя.

Теперѣшній же комендантъ Смоленска, князь Шуйскій, умѣлъ по битвѣ Оршанской силы крѣпости и всѣ средства обороны убольшити такъ, что она сталась на долго неотъемлимою.

Кромѣ того настала уже мокрая осень, дороги были повреждены, а войско и кони до крайности утомлены, такъ что весьма много коней погибло въ дорозѣ и нужно было многія повозки на пути оставити.

При тѣхъ обстоятельствахъ успѣлъ князь Константинъ едва въ четыре недѣли станути подъ стѣнами Смоленска, и то безъ орудій. Про то и всѣ штурмы остали здѣсь безуспѣшными, но за то посунулся Константинъ далеко къ Востоку и занялъ нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстъ.*)

Годъ 1516 вызвалъ сновь князя Константина Острожского въ поле. Татары крымскіи наѣхали были великими силами Россію, Подолье и Русь. Тамъ отнесли они побѣду у источниковъ Дона, здѣсь же, побиты подъ стѣнами Теребовли Іоанномъ Творовскимъ, комендантомъ Бучача, тоже подъ Подгайцами, оперлись подъ Бускомъ и, набравши довольно полона, удались въ южную сторону, перешли Днѣстръ, опустошили все даже до Карпатъ, перешли и чрезъ горы, сожгли нѣсколько мѣстъ въ Угорщинѣ и увели около 50.000 христіанъ въ ясыръ, въ Крымъ.

---

*) Wap. 122: Smolensko... validissimo rursus praesidio firmatam offenderunt... et jam bruma gelida instaret... Stryjk. 384. — Bielski 977.

Князь Константинъ былъ тогда недужный, о прочихъ же вельможахъ пишетъ Bielski 989: Król... listy swemi wojewodów, kasztelanów, starostów i przedniejszej szlachty napominał, aby się z żołnierzami tam, gdzieby potrzeba pokazywała, ruszali, ale nie był nikt tak rączy; zaczem, gdy jedni na drugie patrzyli, Ruś i Podole Tatarom jako na mięsne jatki wydali. (Gwagn. 282).

Сберегши богатый полонъ въ Крымѣ, сновь переправились Татаре чрезъ Днѣпръ, станули табором подъ Чорнымъ Лѣсомъ и готовились къ новому нашествію на Подолье. Тогда возвалъ князь Константинъ цѣлый Волынь подъ оружіе. Татары, довѣдавшись о томъ, не важились вторгнути дальше въ Русь, почувши славного героя въ близости, свинули таборъ и возвратились на теперь въ Крымъ*).

При концѣ ноября мѣсяца нашли Татары опять на Подолье и опустошали огнемъ и мечемъ окрестности Межибожья, Хмельника, Каменца Подольского и Синкова. Константинъ Острожскій поспѣшилъ сновь стогнающей подъ

*) Wap. 144: Constantinus etiam Ostroviensis Dux totam Volhiniam . . . . ad arma concitaverat. His . . . . Tatari fama cognitis . . . . copias omnes . . . in Tauricam . . . reduxere.

вражими копытами землѣ къ помощи и, соединившись съ воинами Ланцкоронского и Сецигневского, всѣ отряды Татаръ были розгромлены.

Года 1517 выправилъ король Сигисмундъ князя Константина Острожского вразъ съ Свѣрцовскимъ сновь противъ царя Василія Ивановича. Оба полководцы достигли даже до окрестностей Пскова и Опочки, однако успѣхи сей войны не были велики, ибо Псковъ былъ могущественный и сильно укрѣпленный городъ, а-належа прежде къ торговельному союзу Ганзы вразъ съ Новгородомъ, Полоцкомъ. Краковомъ и другими городами, имѣлъ численное и богатое мѣщанство, когда-то самостоятельную републику становившее.

Кромѣ того отдаленъ Острогъ ото Пскова якихъ полтора ста миль, или 1000 верстъ, тожь войска Константина Острожского дотерли до Пскова уже крайне утомлены. Не взирая на то, отнесли они нѣсколько побѣдъ подъ Великими Луками, Торопцемъ и на другихъ мѣстахъ; и возвратились со значительнымъ полономъ.

Псковъ признано непоборимымъ, вину же несудачной осады малой, но корыстно положенной крѣпости Опочки, польскіи лѣтописцы приписуютъ гетману коронному Свѣрчовскому, который нерозважно противъ совѣта Константина

Острожского поступилъ, предпринимая осаду сей, на око нужденной, но хорошо заосмотренной крѣпости.

Года 1518 пришлось сновь съ Татарами воевати. Они, напавши въ мѣсяцѣ августѣ на Молдавію, были господаремъ молдавскимъ Богданомъ Стефановичемъ побѣждены, но, заосмотрившись сновь въ свѣжіи отряды, напали осенью того же года на Волынь, однако и здѣсь безуспѣшно, ибо Константинъ Острожскій убилъ ихъ до 800, а Евстафій Дашковичъ, организаторъ козаччины и староста черкавскій, перерѣзалъ ихъ около 300*).

Въ лѣтѣ 1519 года Татары въ великомъ числѣ отправились опять на Русь. По хроницѣ Бѣльского**), было ихъ 80.000, самыхъ же ѣздоковъ 40.000. Они переправились чрезъ рѣки Днѣпръ, Богъ и Бугъ, разорили городъ Сокаль, отстоящій 10 миль отъ Львова къ сѣверу. и, роспуская скоростью молніи на всѣ стороны свои загоны, чтобы жителей нечаянно захватити, опустошили львовскую, белзскую и люблинскую земли, доходя даже до Вислы.

---

*) Wap. 157. — Bielski 1004.

**) Bielski 1008. — Baliński 1232.

Всюда горѣли села и городы, изо всѣхъ сторонъ возносился зойкъ и плачъ людей, заскоченныхъ врагами и убиваемыхъ... Множество людей, плѣненыхъ и повязанныхъ разомъ, чтобы ночью не могли бѣжати, гнали Татаре передъ собою якъ скотъ и везли огромную добычь.

Князь Константинъ О. рѣшилъ: заступити имъ дорогу у переправы черезъ Бугъ, и повелѣлъ всѣмъ войскамъ, стягатись къ городу Сокалю, лежащему на „черномъ татарскомъ шляхѣ.“ Константинъ прибылъ на скорости съ 1000 ѣздоками волынскими; сюда надтянулъ такожь Мартинъ Каменецкій, воевода подольскій, и Станиславъ Галицкій, староста львовскій, такъ что собранное войско выносило около 5.000.

Недолго ожидали христіане здѣсь врага, который, идучи обремененъ полономъ, прибылъ вкратцѣ подъ сожженный нимъ Сокаль и, остановлясь таборомъ, занялъ цѣлую, окомъ необозримую ровнину, легко на Востокъ къ берегу Буга похиленную, и покрылъ ее якъ тьма саранчи*).

Тогдашній городъ лежалъ не на правомъ берегу Буга, якъ днесь, но на лѣвомъ, въ о-

*) Wapowski 159 seq.

крестности нынѣшняго кляштора Бернардиновъ, замокъ же сокальскій отстоялъ немножко дальше, на поблизкомъ небольшемъ холмѣ положенъ. Наши войска стояли таборомъ противъ Татаръ на правомъ берегу Буга.

Когда князь Константинъ узрѣлъ громадное множество Татаръ и основно оглянулъ теренъ, созвалъ полководцевъ на совѣтъ и представилъ имъ, что Татары перемагаютъ числомъ, а кромѣ того что и здѣшнее положеніе имъ на руку, ибо, будучи переважно ѣздоками, имѣютъ здѣсь на великой ровнинѣ довольно мѣста, всѣ свои силы розвинути и заграти обыкновеннымъ своимъ „танцемъ татарскимъ“, свойственнымъ сынамъ дикихъ степей, на своихъ вѣтреннихъ коняхъ. Прото нужно поле сраженія въ другую багнистую сторону перенести, гдѣ бы Татары не могли всѣ разомъ сражатись, только отдѣлами, а если бы не удалось ихъ въ такое положеніе ввести, то нужно бы своимъ войскамъ боками о багна опертись, чтобы не были ними окружены.

Поважнѣйшіи и старшіи изъ польскихъ вождей одобряли тотъ планъ, но большинство, состоявшее изъ молодыхъ, горячихъ и неопытныхъ людей, поднесло ропотъ, упрекая князя Константина, что онъ имъ на ихъ собственной

землѣ завидуетъ, чтобы не добились славы, а хочетъ сновь свой Волынь прославити; они нарѣкали, что врагъ имъ почти въ руки влѣзъ и могъ бы вскорѣ уйти бокомъ, онъ же имъ препятствуетъ въ несомнительной побѣдѣ на удобномъ мѣстѣ, у стѣнь хорошого замка, и влечетъ ихъ куда-тамъ въ болота.

Князь Константинъ, видя такое сопротивленіе у молодыхъ польскихъ вельможей, между которыми Гербуртъ, Фирлей и Фредро находились,*) предложилъ другій планъ, по которому нужно стояти спокойно, пока Татары не станутъ переходити черезъ рѣку, когда же ихъ уже половина переправится, сейчасъ, всею силою ударити на ту часть поганцевъ; тогда другая половина устрашится и легче можетъ быти пораженою.

Но и тотъ планъ не понравился; противно, роптаніе усиливалось.

Князь Константинъ употребилъ теперь послѣдняго аргумента, представляя откровенно, что побѣды осягается не языками, но раменами, а здѣсь враговъ десять или двадцать разъ столько, якъ своихъ воиновъ; затѣмъ надобно

*) Bielski 1009. Stryjk. II. 392. Szujsk. II. 190. Echard Dyk. geogr. Warsz. 1783 III. 60.

пождати, такъ якъ вскорѣ надтягнутъ къ русскимъ и польскимъ войскамъ такожде литовскіи вспомательныи силы. Кромѣ сего Иванъ Творовскій съ 500 своими ѣздоками подольскими, навыкшими до борьбы съ поганцами, уже есть въ близости, а и Волоховъ, въ числѣ 600 конныхъ, выглядаетъ онъ, чѣмъ число значительно поднеслось бы и опытныхъ воиновъ прибыло бы.

Всѣ усилія старого гетмана оказались безуспѣшными, онъ просилъ, онъ молилъ со сложенными руками, чтобъ пождали хотя до завтра, и умышленно ли, иль въ слѣдствіе своей природы русской, представлялъ, чтобъ пождано хотя до завтрѣшняго утра, ибо сегодня есть вторникъ, въ которомъ ему всякое предпринятіе лихо кончится. Но все было на дармо; до упрековъ стали прилагати даже и обиды, называя сѣдоглавого военачальника, стократно наражавшого свою жизнь на найбольшіи опасности, трусомъ.*)

Того уже было князю Константину слишкомъ много. Онъ розъярился, велѣлъ своего

---

*) Wap. 160. Sed cum temerariam juventutem salutaria sua monita nihil permoverent, probraque etiam et convitia in eum jacerent, favoremque exprobrarent....

вѣтрокрылого вѣрного коня вороного, прозваного Заяцемъ, себѣ подати, вскочилъ на него и станулъ между своими Волынцами, медля немножко, моляся и розсмотривая движеніе и росложеніе послѣднее враговъ. Горячіи головы между тѣмъ не ждали даже на росказы, ни на знакъ къ роспочатію борьбы, но верглись въ Бугъ и безладно стали переправлятись на лѣвую сторону въ лицѣ многочисленного врага, стоящого съ напряженными луками, и закрытого руинами разоренного города и плотами уцѣлѣвшого передмѣстья. Едва вылѣзшихъ изъ рѣки, привитала изъ трехъ сторонъ цѣлая хмара стрѣлъ закаленыхъ, отъ которыхъ многіи погибли, не добывши даже еще меча; другіи, гоня по сгарищи спопелѣлого города, попадали въ пивницы и ямы, едва попеломъ и недогарками поприкрываны; третіи наконецъ, выдобывшись изъ матнѣ, спѣшили ударити на врага; но той, стоя по за плотами, оградами и уцѣлѣвшими зданіями или руинами тѣхже, смѣталъ премногихъ стрѣлами, а самъ въ значной части мечами и копіями не былъ досягаемый. Уцѣлѣвшіи мужественно сражались на болоняхъ и поляхъ, а будучи переважно въ желѣзахъ, косили Татаръ, якъ траву; но ихъ число невеликое чѣмъ разъ больше ма-

лѣло, а Татары, вывабившіи ихъ въ широкое поле, стали окружати ихъ изо всѣхъ сторонъ.

Между тѣмъ отъискалъ Константинъ чрезъ своихъ людей немножко низше бродъ на Бузѣ, переправился спокойно на лѣвый берегъ и поскакалъ горячо паренымъ въ помощь. Борьба розвинулась повсемѣстна, многіи падали по обѣимъ сторонамъ, пыль, отъ якихъ 200.000 копытъ конскихъ, взбивающаяся на пооранныхъ, и въ началѣ августа совсѣмъ изсохшихъ поляхъ, закрыла борющихся такъ, что стемнѣло и годѣ было своего отъ врага отличити, чѣмъ Татары пособствуемы не спостереженно окружили польскій отдѣлъ, найдальше загнавшійся, якбы одною желѣзною цѣпью.

Константинъ Острожскій уганялся по всѣмъ загроженнымъ мѣстамъ, загрѣвалъ, додавалъ духа, напоминалъ, но 5.000 противъ 80.000, а хотябы только 50.000, устояти, то нелегка справа. Наши войска подались многочисленному врагу, все свѣжими отрядами напирающому. А когда Константинъ съ Каменецкимъ и Галицкимъ воеводами узрѣлъ, что ихъ воины стали повсемѣстно уходити изъ поля сраженія, отъѣхали и они, сберегая себе для державы на

позднѣйшіи счастлившіи времена*). Отступившіи уйшли въ замокъ Сокальскій. Упало изъ нашой стороны 1.200, между ними Гербуртъ, Фирлей, Фредро, Татаръ упало 4.000. Прочіи уйшли со всѣмъ полономъ.

Такъ вспильчивость и неповиновеніе старшимъ и опытнѣйшимъ низвели премногихъ хоробрыхъ преждевременно въ гробъ, а безчисленныи толпы плѣненныхъ оперлись въ ясырѣ и не узрѣли больше родной землицы. Теперь оказалось въ полномъ свѣтлѣ, якъ спасительны были совѣты Константина. Польскіи лѣтописцы и при томъ случаѣ величаютъ его, называя его найопытнѣйшимъ и найхоробрѣйшимъ**).

Татары предпринимали свои нашествія обыкновенно лѣтнею порою, когда народъ розсѣянъ по полямъ при роботѣ, а села почти порожны были, такъ, что нигдѣ не было численно

---

*) Wap. 162. Constantinus dux,.... Camencius.... Haliczki.... supremi duces, ubi Tartaros praevalere, eorumque aciem in apertam fugam inclinatam, conspexerunt, et ipsi proelio excessere et ad meliora patriae tempora sese conservavere.

**) Wap. 162. quam cladem paucorum temeritate, qui Constantini ducis consilio et jussis obstrepebant, accidisse, satis constat. Bielski 1009. Stryjkowski II. 392.

собранныхъ толпъ, которыи бы могли имъ вооруженный отпоръ ставити. Въ 1526 году совсѣмъ не удался имъ нападъ, ибо зостали въ росполохъ разогнаны. Такъ рои поганства не имѣли въ тѣсномъ Крымѣ чѣмъ прокормитися, а до тяжкихъ и мирныхъ трудовъ они еще не были навыкли, якъ то теперь имѣетъ мѣсто. Тожь 1527 года выбрались они, по повелѣнію султана Солимана, предвременно подъ предводительствомъ многихъ мурзовъ ханскихъ, зимовою порою на происки. Къ нимъ присоединился Ибрагимъ, паша отоманскій Крыму, со своими Турками, такъ что всѣхъ числилось совокупно около 34.000*). Стужа была тогда велика, такъ что всѣ рѣки, озера и багна сильно позамерзали, и Татары могли съ неимовѣрною скоростію на своихъ шибкихъ коняхъ посуватись, непотребуя черезъ воды переправлятись.

Послѣ попередной неудачи въ 1526 году и при такъ сильныхъ морозахъ, никому и не снилось о тѣхъ гостяхъ. Они свернули свой походъ, или лучше сказати: набѣгъ, въ стороны Бѣлой Руси, которыи лѣтною порою ставались для нихъ неприступными черезъ многіи рѣки, а еще численнѣйшіи озера и багна. Теперь все

*) Stryjkowski II. 394.

стало для нихъ отворомъ. Тожъ дотерли даже до Пинска, положенного недалеко устья Пины до Припети. Оттуда поворотились къ Люблину, а вконцѣ свернулось на югъ въ стороны Белза, якбы изъ далека выминали знаный имъ добре Вишневецъ и Острогъ. Одинъ отрядъ татарскій подступилъ подъ Скоковку, замокъ Счастного Замойского въ Холмщинѣ. Осада тогожь сдѣлала вылазку, а по не долгомъ сраженіи уходя въ сосѣдній лѣсъ, гдѣ болотнистая рѣка Вепрецъ творитъ мочары, звабили они Татаръ за собою и тамъ ихъ часть побили. Но головная ихъ сила тѣмъ не сломалась*).

Обычнымъ образомъ опустошали Татары по дорозѣ все огнемъ и мечемъ, наносили неизреченныи шкоды, собрали громадный полонъ съ непосѣщаемой отъ давныхъ давенъ Пинщины и гнали безчисленными цѣпьями повязанныхъ плѣнниковъ. Изъ сторонъ Белза пробрались скоро черезъ Подолье въ Украину.

Князь Константинъ Острожскій, по сумномъ опытѣ подъ Сокалемъ, теперь не оглядался за дальшими подкрѣпленіями изъ стороны польскихъ вельможъ; онъ постановилъ дѣлати самостоятельно и обмежитись на рус-

*) Bielski 1040.

скіи силы. Того требовали и обстоятельства, ибо Татары уже продирались на возвратномъ пути черезъ Подолье, спѣша чѣмъ скорше домой, въ голодный Крымъ. Онъ розослалъ одновременно своихъ гонцевъ на всѣ стороны и велѣлъ литовско-русскимъ вельможамъ за собою удвоеннымъ ходомъ поспѣшати, самъ же собралъ своихъ Волынцевъ и удался впростъ къ Кіеву, чтобы засягнути точныхъ вѣдомостей о походѣ Татаръ, и о сколько возможно, задерживати ихъ поменьшими захватками, пока завозванныи не прибудутъ съ отвѣтными войсками. Недолго ждалъ здѣсь на пихъ князь Константинъ Острожскій. Приспѣли съ своими полками князь Юрій Олелькович Слуцкій, шуринъ Константина, князь Юрій Николаевичъ Радивилъ, князь Федоръ Сангушко, князь Александръ Чарторыскій, князь Иванъ и Александръ Вишневецкіи. До нихъ прилучился воевода кіевскій, Андрей Немировичъ, а за Кіевомъ соединился съ ними Евстафій Дашкевичъ, такъ что собралось великое войско, покорно ждающее на мановеніе жезла Константинова*) а готовое за нимъ и въ огонь скочити.

*) Wap 218. Constantinus Ostroviensis Dux cum valido exercitu abeuntes (Татаръ) assecutus. — Bielski 936.

Поклонившись святой Лаврѣ Печерской и мощамъ угодниковъ, въ ней почивающихъ, двинулась Русь и Литва къ южной сторонѣ, слѣдуя берегамъ освященого Днѣпра по лѣвой сторонѣ тогожъ. Татары утомленныи скорымъ ходомъ, а обремененныи чрезвычайно великимъ полономъ, остановились на Ольшаницѣ, въ сорокъ миль за Кіевомъ,*) недалеко города и замка Канева. Здѣсь другіи обстоятельства, нежели на Волыньѣ, нелегко здѣсь найти мочары и багна такіи, якъ надъ Стиромъ, Горынемъ и Припетью, тожъ нужно было и другую тактику избрати. Константинъ Острожскій постановилъ напасти нечаянно на Татаръ и то такъ, чтобъ ихъ обезвладнити, не допустити ихъ боротись верхомъ Тожъ поспѣшнымъ ходомъ въ день и ночъ сближился онъ съ войскомъ тихонько до коша татарского на нѣсколько верстъ, а увѣдавши чрезъ чаты, что Татары небрежно розложились на ночь и хорошо учтуютъ, а кони ихъ при наступившей между тѣмъ отвлазѣ на поблизкихъ степахъ розсѣяны пасутся, поступалъ ночью шагъ за шагомъ А когда утренняя зоря засвѣтила, а бисурманы

*) Echard Dyk. geog. W. 1782 II. 14. polsk. m. 22. Stryjk. 40 m. II. 394.

трудомъ и напитками утомленныи твердо уснули, отправилъ бокомъ легонькій отдѣлъ молодцевъ, чтобъ сблизились до стадъ татарскихъ тихцемъ. Ихъ задачею было, на данный знакъ и крикъ боевый, чтобъ стада коней татарскихъ вонъ прогнати крикомъ и стрѣльбою далеко отъ коша, что и сталось. Тогда на розсвѣтѣ прискочила Русь и Литва и, поднесши ужасный крикъ, стала рубати нечаянно захваченныхъ, такъ что не могли до коней своихъ достатись и принуждены были пѣшо сражатися. Пораженіе было огромное. Вправдѣ Татары метали хмары стрѣлъ, но тіи рицарямъ въ желѣзахъ немного вредили, а именно на слѣпо высыланныи. Константинъ, окруженъ своими Волынцами, вдерся въ самую середину коша, розгромилъ обезсиленныхъ и едва прочунявшихъ на всѣ стороны, такъ что потомъ уже нетрудно было роздѣленныи толпы окружити и обезглавити. Прочіи отряды, успѣвшіи уѣхати, догнаны, между Каневомъ и Черкасами, полками князья Юрія Слуцкого и Евстафія Дашковича.

Отнесенная побѣда была совершенна: мало кто изъ Татаръ уцѣлѣлъ, выше 700 изъ нихъ плѣнено, 80.000 христіанъ, почти исключно Русскихъ, освобождено отъ узовъ вра-

жіихъ.* Всѣ благословили князя Константина, называли его избавителемъ, батькомъ, онъ же съ своими вождами и воинами корился сновь въ Лаврѣ и прочіихъ церквахъ Кіевскихъ Единому Сильному, Подателю побѣдъ, а потомъ, якъ римскіи императоры, въѣхалъ въ тріумфѣ въ Краковъ сеймующій, гдѣ его король Сигисмундъ I. общеявно поблагодарилъ, почестями, достоинствами и имуществами надѣлилъ.**) До достоинства гетмана получилъ онъ 1511 г. чинъ маршалка земли волынской и старосты луцкого, 1513 г. каштеляна виленского, старосты брацлавского и другіи, а 1522 г. воеводы троцкого.

Такъ славно пописался князь Константинъ Острожскій въ предвечеріи своей жизни, ибо сѣдоглавый вождь дотягалъ уже почти 70 лѣтъ. Всѣ почитали его мужественность, всюда благословили его жертволюбіе, во всѣхъ устахъ носилось его имя отъ мала до велика, отъ простолюдина до первѣйшихъ ученыхъ тогдашняго времени, всѣ величаютъ его дарованія страте-

---

*) Wapowski 218. — Stryjk. II. 394. — Bielski 1040. Niesiecki VII. 173–190. — Stebelski III. 56. — Szujski II. 212.

**) ... qui non multo postea Cracoviam ad Sigismundum regem veniens exquisitissimis honoribus. .. est exceptus.

гическіи, а и новѣйшіи писатели, хотя инородныи, съ почтеніемъ вспоминаютъ о немъ. И такъ называетъ его лѣтописецъ Kromer при описаніи битвы подъ Слуцкомъ*) найдостойнѣйшимъ всякой памяти вѣковъ. Wapowski пишетъ о немъ**), что его найвысшими похвалами подъ небеса выносили. На иномъ мѣстѣ своей лѣтописи выражается тойже о немъ, что есть военной похвалы самымъ славоснѣйшимъ мужемъ***). Немножко дальше говоритъ о немъ тойже, что есть найопытнѣйшимъ въ дѣлахъ военныхъ.****) При описаніи битвы Сокальской называетъ князя Константина Ваповскій великимъ оного времени борителемъ, или поборникомъ,*****)

Въ дальшомъ описаніи происшествій надбужанскихъ повтаряется то самое немно-

---

*) Constantino Ostrogio principe, omni saeculorum memoria dignissimo....

**) Wap. 218. Constantinus (Ostroviensis) Dux summis in coelum laudibus ferebatur.

***) Wap. 81. Constantino Ostroviensi duce, viro bellica laude famigeratissimo.

****) Wap. 151. Constantinum Ostroviensem ducem, virum rei bellicae peritissimum.

*****) Wap. 159. Placuit Constantini ducis, magni ea tempestate bellotcris, consilium.

жко иными словами, якъ при выправѣ на Псковъ;*) а нѣсколько строчокъ низше приписуетъ ему Ваповскій и найбольшую храбрость личную.**) Иный современникъ, посолъ папскій Пизо, пишетъ, что Константинъ по причинѣ своихъ превосходныхъ дарованій военныхъ королеви Польщи паче всѣхъ найдорожшимъ, что съ Татарами тридцать и три кратъ боролся и всегда выйшолъ побѣдоносцемъ, такъ, что въ дѣлахъ военныхъ не низше стоитъ отъ Ромулуса, основателя Рима. Нѣсецкій зоветъ его мужемъ до войны рожденнымъ.***) Такъ пишутъ польскіи писатели, каѳолическіи священники, о русскомъ князѣ православномъ (схизматику), и прото ихъ судъ нельзя считати пристрастнымъ.

Другіи, немножко позднѣйшіи, якъ Bielski, Stryjkowski, сравниваютъ князя Константина съ Геркулесомъ, Гекторомъ, зовутъ его литов-

---

*) Wap. 160. Talia Constantinus dux, vir rei bellicae experientissimus, concionabatur.

**) Wap. 160. Constantino duci, viro fortissimo...

***) Niesiecki VII. 173. sq. Princeps Constantinus Ostrogius, regi Poloniae ob eximias pacis et belli artes longe omnium carissimus, cum Tartaris trigesies tricies pugnando victor semper extitit... Romulo non inferior. Тому послѣдуетъ Шуйскій, приписуя князю Константину Острожскому 33 побѣды. Moracz Star. p. II. 212

скимъ Ганибалемъ, русскимъ Сципіономъ. Послѣдній придаетъ ему еще на иномъ мѣстѣ имя почетное русского Пиррга и зоветъ его мужемъ тяжко выславляемой дѣятельности II. 397. Немножко позднѣйшій Леодійчикъ*) кажетъ, что князь Константинъ неслыханою храбростью пятдесятъ кратъ съ врагами сражался и столько же самыхъ блыстательныхъ побѣдъ отнесъ. Надпись же надъ гробомъ кн. Константина въ Лаврѣ Печерской въ Кіевѣ утверждаетъ наконецъ, что сей герой всѣхъ неменьше якъ 63 побѣды отнесъ.

И новѣйшіи польскіи писатели съ признаніемъ о немъ пишутъ. Такъ инокъ Игнатій Стебельскій въ сочин. своемъ съ 1781 г. зоветъ князья Константина во виду его сана мірского и его заслугъ первымъ мужемъ въ народѣ русскомъ и кажетъ, что столь богатырскихъ дѣлъ сего великого поборника моглибъ его покрыти у потомковъ безсмертною въ каждомъ отношеніи славою.**) Стецкій въ

---

*) Boxhornii oratio. Lugd. Batav. 1642. Constantinum .. qui virtute inaudita quinquagies praelio cum hostibus congressus, toties illustrissimas victorias reportavit ..

**) Steb. III. 57, 56.

сочиненіи своемъ „Wołyń“ зоветъ его истинно Великимъ и кажетъ, чо на всѣхъ концахъ края розлягалася слава военныхъ дѣлъ князя Константина Ивановича.*) Прездзецкій въ новѣйшемъ сочиненіи своемъ о Ягайлонкахъ кажетъ, что князь Константинъ славный богатырь, въ каждой грамотѣ, ему удѣляемой, получилъ новое и похвальное засвидѣтельствованіе своихъ заслугъ**), а на другомъ мѣстѣ пишетъ, что князь Константинъ знаменитыми побѣдами надъ невѣрными отдалъ великіи заслуги рѣчипосполитой польской, а тѣмъ самымъ и дѣлу христіанства***). Шуйскій зоветъ князя Константина маститымъ богатыремъ Волыни****). Балинскій и Липинскій зовутъ его мужемъ, съ дѣлъ богатырскихъ голоснымъ*****).

Но князь Константинъ Ивановичъ Острожскій не только былъ благословляемый отъ народа яко защитникъ его, нетолько былъ лю-

---

*) Stecki Wołyń II. Lwów 1871 p. 213.

**) Przeździecki Jag. Krak. 1868 p. 39. 40,

***) Wielkie zasługi (K. O.) przez znamienite zwycięztwa odniesione nad niewiernymi, oddał rzeczypospolitej polskiej, a tem samem i rzeczypospolitej chrześciańskiej. Przeźd. II. 48.

****) Szujski dzieje Polski II. 212.

*****) N. Baliński 920.

бленъ отъ вельможей и дворянъ съ духовенствомъ, нетолько славился онъ и до днесь славится писателями на всѣхъ языкахъ; онъ даже былъ высоко цѣнимый и почитаемый современными государями. И такъ великій князь Московскій Иванъ III. Васильевичь хотѣлъ его, плѣнника, именовати верховнымъ начальникомъ всѣхъ своихъ силъ, а когда того достоинства не принялъ, именовалъ его вконцѣ воеводою противъ Татаръ и надѣлилъ его значительными имуществами. Король Александръ почтилъ его грамотою и утвердилъ въ посѣданіи цѣлого уѣзда Звягельского и иныхъ значительныхъ имѣній на Волыньѣ. Король Сигисмундъ росширяетъ тіи права грамотою, изданною въ Вильнѣ 1506 года. кажется, чтобъ воеводу московского противъ Татаръ къ возврату въ отечество склонити. По бѣгствѣ Константина изъ плѣна, Сигисмундъ выстатляетъ ему 1507 г. въ Мельнику другую грамоту, въ которой, внимая на то, что князь Константинъ „за спасеніе отечества мужественно многократъ сражался,“ много страдалъ и на опасность, потеряти жизнь, выставлялся: отдаетъ ему и наслѣдникамъ его мыто въ городѣ Дубнѣ.

Въ 1521 г. надѣлилъ Сигисмундъ I. князя Константина Острожского новою грамотою по-

четною въ Вильнѣ, которая сохраняется въ архивѣ князей Острожскихъ въ Дубнѣ*) и очень есть занимательна своимъ тономъ, поднося заслуги и происхожденіе князя Константина. Въ ней говоритъ Сигисмундъ, что. внимая на высокіи заслуги въ знаменитыхъ борьбахъ Свѣтлого князя, князя Константина Ивановича Острожского, воеводы троцкого, гетмана найвысшого, старосты брацлавского и винницкого**) не только за него (Сигисмунда I.), но и за царствованія королей Казиміра и Александра, яко князь Константинъ не только великихъ издержекъ собственныхъ въ службѣ отечества не жаловалъ, что навыкъ чинити никогда не перестаючи, а въ такихъ послугахъ и горла своего не жаловалъ, и великіи раны въ битвахъ охочо относилъ: Мы (Сигисмундъ) хотячи Его Милости нѣкоторую часть воздаянія учинити, а кромѣ сего помняще на Его Милости высокій и знаменитый родъ княжескій, даемъ (говоритъ король въ грамотѣ), даруемъ и соизволяемъ Его Милости князю Константину Ивановичу Острожскому воскомъ червленымъ печататися, а то

*) Przezdziecki Jag. II.

**) Отъ Винницы на Украинѣ.

Ему и его дѣтемъ и потомкамъ вѣчно и на вѣки незаперечимо*).

Въ пять лѣтъ позднѣйше, по блыстательной побѣдѣ князя Константина надъ Татарами при Ольшаницѣ, недалеко Канева на Украинѣ, король Сигисмундъ I. внимая на знаменитыи послуги, яковыи вождъ тойже отъ лѣтъ младенческихъ отдавалъ Казиміру, Альбрехту, Александру и рѣчипосполитой Короны и вел. княжества Литовского, такъ, что даже тяжкій плѣнъ претерпѣлъ; наконецъ выйшовши изъ неволи съ помощью божью неисчислимыи побѣды надъ Татарами и иными непріятелями отнесъ, самъ немалыи потери въ имѣніяхъ своихъ отъ непріятеля понесши, не вспоминаючи уже давнѣйшихъ дѣлъ его, и сей зимы знаменитую отнесъ побѣду въ окраиныхъ государства и неизмѣриму ю тьму плѣнниковъ отбилъ и на свободу выпустилъ, такъ что справедливо можетъ быти и долженъ быти сравненъ не только съ со-

*) Подобало бы мужамъ, въ близости Дубна живущимъ, дословно тую грамоту и иныи печатію сообщити, ибо намъ не удалось помимо нѣсколькократного прошенія знакомыхъ господъ въ Острозѣ ничь исходатайствовати.

временными гетманами, но и съ таковыми мужама въ древности: тожь король освобождаетъ имѣнія князья Константина Острожского отъ мыта сольничого отъ соли русской бѣлой, перевозимой съ Коломыѣ, Долины и Дрогобича черезъ городъ Кремянецъ, тоже увольняетъ Сигисмундъ отъ мыта ѣдущихъ съ имѣній Острожскихъ на ярмарки*).

Такъ заслужилъ себѣ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій на всесторонное узнаніе его дѣлательности у народа**), вельможъ такъ польскихъ, якъ русскихъ и литовскихъ, у лѣтописцей и у владѣтелей европейскихъ. Кромѣ оныхъ грамотъ почтенъ Константинъ довѣріемъ отъ короля Сигисмунда, въ которого-имени князь Константинъ вмѣстѣ съ двома иными высланниками въ имени короля привѣтствовалъ 1518 г. въ городку Моравицѣ, двѣ мили за Краковомъ прибывающую въ столицу будущую королеву Бону. Въ тожже (1518) году въ грамотѣ, даной въ Краковѣ, называетъ король Си-

*) Przezdziecki Jag. II. Грамота тая дана 1527 г. въ Краковѣ.

**) nadanie woj. Trockiego 1522 było wyjątkowe... na wyraźne żądanie senatorów obojga państw, polskiego i litewskiego. Szaran. Rzut oka na beneficya p. 19.

гисмундъ I. князья Константина Острожского столбомъ государства*).

Такъ славно подвизался князь Константинъ Ивановичъ Острожскій въ публичной жизни своей. Присмотрѣмся теперь ему самому въ его частномъ житью-бытью. Родина князей Острожскихъ повязана была съ розродившимися князями русскими на Волыньѣ и то не только съ Заславльскими, яко найблисшими, но такожде съ Ровенскими, Несвѣдскими, Збаражскими, Вишневецкими, Порѣчскими, Слуцкими, Воронецкими и иными княжескими родами. Свойства и благодѣтели тѣхъ родовъ сосредоточились въ Константинѣ. Прежде всего почувствовалъ онъ въ себѣ наклонность къ военнымъ дѣламъ, а тогдашніи обстоятельства международныи подали ему многократно случайность, въ ономъ направленіи розвинути всѣ свои дарованія.

Тѣломъ былъ князь Константинъ середняго возраста, но притомъ крѣпко созданъ, которое то свойство онъ частыми упражненіями тѣлесными, ловлею по богатыхъ лѣсахъ Волыньѣ и частыми борьбами по необозримыхъ степахъ украинскихъ и безконечныхъ поляхъ

*) Przezd. II. 39. Veluti columna reipublicae.

подольскихъ такъ розвинулъ благоуспѣшно, что по три копіи былъ въ состоянін на разъ вергати на непріятеля*). При томъ обладалъ такъ сильнымъ голосомъ, что на ловахъ или въ сраженіяхъ его голосъ всѣ другіи перемагалъ. Середній возрастомъ но высокосердный былъ князь Константинъ Острожскій духомъ. Въ борьбахъ мужествомъ, дома благостію отличался онъ: для всѣхъ былъ приступнымъ для людей воинственныхъ щедрый, для убогихъ и плѣнниковъ милостивъ.

Посвящаясь прежде всего воинственнымъ дѣламъ въ службахъ страждущого отечества князь Константинъ чрезъ долгое время позабылъ на себе самого, уже бо половину столѣтія пережилъ не вступивши въ станъ супружескій. Наконецъ улягаяя представленіямъ друзей, числя уже 50 лѣтъ съ горою, свѣнчался онъ въ 1511 г. съ княжною Татіянною, единственною дочерью князя Симеона Гольшанского и Анастазіи княжны Збаражской**). Значительныи имѣнія наслѣдственныи по ро-

*) Nisiecki VII.

**) Гольшаны или Ольшаны на юзѣ отъ Вильны, въ Литвѣ. Изъ того рода происходила королева Софія четвертая жена Ягайлы.

дителяхъ своихъ и пріобрѣтенныи наданіями королевскими, умножились значительно тѣмъ бракосочитаніемъ, ибо княжна Татіянна внесла мужеви около 30 селъ и городовъ съ замками. Княгиня Татіянна померла 1521 г. оставивши единственного сына Илію. Въ 62 году жизни свѣнчался князь Константинъ вторично съ княжною Александрою Слуцкою, дочерью княгинѣ-вдовы Анастазіи и покойного князья Слуцкого Симеона, а то 1522 г., въ годъ по смерти первой жены.

Супружество тое было весьма соотвѣтное, ибо княгиня вдова Анастазія, матерь княжины Александры, отличалась, подобно Константину, духомъ воинственнымъ. Мужъ ея, Симеонъ Александровичъ (Олесь, Олелко, Олелковичъ) князь Слуцкій и Кіевскій, отъумеръ ее преждевременно, оставляя вдову съ малыми дѣтьми: Александрою и Юріемъ. Княгиня вдовица Анастазія, происходя по матери своей отъ князей московскихъ, вдовствовала на замку Слуцкомъ, среди пространныхъ имѣній слуцкихъ и копыльскихъ и бережливо стерегла наслѣдія своихъ дѣтей сиротъ. Въ 1505 г. напали ю нечаянно Татары, опустошая все огнемъ и мечемъ и добываясь о стѣны Слуцка. Княгиня Анастазія не ужаснулась враговъ, но якъ львица

при гнѣздѣ львиномъ уганялась докола стѣнъ замковыхъ заприсягла и одушевляла своихъ воиновъ къ храбрости. Татары на дармо кусились взяти городъ, надармо подкладали огонь, побитыи на голову, уйшли вонъ.

Въ 1506 г. могущественный князь Михаилъ Глинскій, которому Великій князь литовій Александръ на время отсутствія плѣненного князья Константина Острожского отдалъ булаву гетманскую, и который почти половину Литвы посѣдалъ и дотого жезломъ военачальника владѣлъ*), загадалъ свѣнчатись съ княгинею Анастазіею, чтобъ до своей половины Литвы еще премногіи области Слуцка и Копыля присоединити, великіи богацтва князей Слуцкихъ и ихъ права до Кіева посѣсти, а потомъ якимъ нѣбудь способомъ статися владѣтелемъ Литвы и Руси**). Но княгиня Анастазія позостала вѣрною матерью и опекункою своихъ дѣтей — малютковъ и отказала могущественному Глинскому, который даже великимъ княземъ и королемъ Александромъ руководилъ.

Думный князь Михаилъ Глинскій постановилъ вооруженною силою повести строптивую

*) Bielski 941 (a trzymał pół Litwy prawie). — Szujski II. 167.

**) Stryjk. II. 347.

вдовицу къ брачному жертвеннику, двократно осаждалъ Слуцкъ и гремѣлъ о стѣны замка. Но геройская княгиня Анастазія, якъ истинная Амазонка, препоясалась оружіемъ правды и материнской любови, мужественно отбивала всѣ нападенія того, передъ которымъ даже самъ Александръ съ первѣйшими Литвы мужами ужасался*). И князь Глинскій, побѣдитель Татаръ подъ Клецкомъ, гдѣ 20.000 трупомъ положилъ и гдѣ 3 кони подъ нимъ убито, принужденъ былъ своей гадки лишитись и поперестати на опустошеніи слуцкихъ и копыльскихъ волостей, ибо мужественный князь успѣлъ между первою и второю осадою Слуцка здобыти укрѣпленныи городы: Туровъ, Мозыръ**), Друцкъ, Оршу, Крычевъ, Гомель, Мстиславль (позднѣйше даже и Смоленскъ): но твердость русской матери не успѣлъ онъ сокрушити***).

Княгиня Анастазія должна была еще и позднѣйше испытати нападенія враговъ, ибо

*) Wap. 54, Dux Michael Glinskij.... principalibus ejus gentis viris merito formidabilis p. 55. Alexandrum... ea, quae fecit aut dixit ad terrorem duntaxat et in gratiam Michaelis Gliński fecisse...

**) Wap. 77. Mozyr... intercepit, ubi divini pene honores ut principi ei exhibiti sunt.

***) Bielski 944. — Wap. 68. — Stryjkowski II. 327, 346, 347.

1508 года*) Татары перекопскіи, думая, что по причинѣ войны московской всѣ войска будутъ занятыи борьбами на сѣверѣ, вдерлись сновь на Русь и Литву и стали поновно Слуцкъ осаждати. Но князь Константинъ Острожскій приспѣлъ съ 6.000 войска въ форсовныхъ походахъ подъ Слуцкъ, розгромилъ нѣсколько ихъ загоновъ и побилъ до ситости на поляхъ**) и въ лугахъ слуцкихъ. Княгиня же Анастазія боролась мужественно на стѣнахъ своего замка, ободряла сражающихся у подошвы тогожъ надъ рѣкою Случію русскихъ воиновъ, а когда здѣсь ихъ множество упало и прочіи, оставившіи богатый полонъ, уйшли на коняхъ, тогда вывела своихъ бояръ, изъ всѣхъ сторонъ бѣдной вдовицѣ въ помощъ приспѣвшихъ, изъ города и велѣла имъ верхомъ пойти въ слѣдъ за убѣгающими въ погонь съ такою скоропостижностію и такъ розставленнымъ, что многіи поганцы погибли отъ ихъ меча, многихъ загнано въ глубокіи багна, гдѣ съ коньми потопились***).

*) Wap. подаетъ 1509 г., вѣроятно по новѣйшему, лѣточисленію.

**) Boxhornii Or. 3. ingentes Tartarorum exercitus totidem proeliis ad Sluckum fudit. Baudrand Geog. Paris 1681 II. 252. Echard Dykcyon. geogr. Warsz. 1783 III. 56.

***) Wap. 83. — Bielski 950.

При такой богатырской матери дозрѣвалъ и молодый князь Юрій Семеновичъ на крѣпкого поборника, и еще будучи юнымъ молодцемъ побилъ онъ вразъ съ воеводою кіевскимъ Андреемъ Немировичемъ 1511 г. въ 20 миль за Кіевомъ на урочиску, Руткою званномъ, великое войско Татаръ, такъ, что 20.000 на мѣстѣ трупомъ положено, а 700 еще въ погони убито*) Позднѣйше видѣли мы сего юного князя у боку Константина Острожского подъ Каневомъ сражающогося побѣдоносно**).

Изъ такового то львиного гнѣзда избралъ себѣ 62 лѣтній князь Константинъ Острожскій въ 1522 г. другую супругу, сестру князья Юрія, а дочь княгинѣ Анастазіи, княжну Александру Симеоновну Слуцкую, которой еще передъ вѣнчаніемъ обѣтовалъ грамотою, что еслибъ Господь поблагословилъ ихъ дѣтьми, то будетъ ихъ ровно любити и о нихъ имѣти попеченіе, якъ и о своемъ сынѣ Иліи отъ первой супруги Татіянны.***) Пожитіе супружеское было весьма счастливое: княгиня Александра Константинова обдарила мужа сыномъ Василіемъ Константи-

*) Stryjk. II. 360.
**) Bielsk. 836.
***) Przezd. Jag. II. 46.

номъ, двоихъ именъ, и дочерью, которой имя не передали лѣтописцы а которая, кажется, скоро померла, ибо о ней нѣтъ воспоминанія дальшего у лѣтописцевъ или въ грамотахъ, только подъ 1531 г. рѣшаетъ король Сигисмундъ, что братья ея Илія и Василь (по смерти отца) должны свою сестру выправити и выпосажити. Тымъ вторымъ супружествомъ имѣніе князья Константина сновъ значительно убольшилось, но яко совѣстный человѣкъ онъ и со своей стороны забеспечилъ молодую супругу свою имѣніями Турова съ приналежностьями.

Князь Константинъ Острожскій крѣпко держался вѣры православной отцевъ своихъ. Онъ не только являлся всегда мужемъ благоговѣйнымъ, исполняющимъ точно всѣ законы церковныи, такъ, что всѣмъ служилъ въ томъ примѣромъ; но онъ и употреблялъ свои средства не только на удерживаніе цѣлыхъ полковъ на свой счетъ въ каждой потребѣ отечества, а и на возвышеніе хвалы божой частыми дарами для церквей и великими жертвами въ томъ направленіи, и являлся протое яко истинный аристократъ въ найлучшомъ значеніи сего слова. И такъ, кромѣ громадныхъ издержекъ на цѣли церковныи въ своихъ имѣніяхъ, построилъ онъ, во благодареніе Всевышнему за подаяніе по-

бѣдъ, двѣ церкви съ монастырями въ городѣ престольномъ Вильнѣ*) т. е. св. Николая и св. Тройцы (1519 г.) послѣдніи вмѣстѣ съ монастыремъ оо. Василіанъ, а кромѣ того и соборную церковь владычью въ Новгородку литовскомъ, всѣ три изъ твердого вещества**).

Монастыръ Жидичинскій подъ престольнымъ городомъ Луцкомъ былъ для Лучанъ такъ святымъ, якъ Дерманскій для Острожанъ, а Зимненскій для Владимирянъ. А такъ якъ первый въ началѣ 16 столѣтія къ огорченію численно посѣщающихъ его богомольцевъ былъ значительно опустошенъ, то князь Константинъ Острожскій выхлопоталъ 1507 г. у короля Сигисмунда I. привилей на покровительство надъ тѣмъ монастыремъ стариннымъ, положеннымъ

---

*) Kirkor Przechadzki po Wilnie p. 55 i 63.

**) Посланникъ папскій Пизо пишетъ о немъ въ Римъ: Princeps Constantinus Ostrogius..... et quoniam Graecae religionis sit, adeo suarum legum est observantissimus, ut ne latum quidem unguem velit ab eis discedere. Domi Numa religiosior.. .. cui ad caeteras animi dotes praeclarasque virtutes id solum deesse videtur, quod schismaticus sit, qui si ad gremium S. Matris ecc. cenverteretur, catervam post se traheret innumerabilem populorum, tanti enim est apud suos nominis et auctoritatis. Moraczewski Star. polsk. II. 392 seq. Stebelski II. 49. III. 57. Niesiecki VII. 172.

на сѣверѣ отъ Луцка надъ рѣкою Стыромъ и отновилъ его значительнымъ иждивеніемъ*). Кромѣ тѣхъ имѣлъ онъ такожде многіи церкви въ княжествѣ Острожскомъ создати а въ Кіевѣ Домъ Гетсеманскій щедро упосажити**).

Но не только о волынскихъ и литовскихъ церквахъ имѣлъ князь Константинъ Ивановичъ попеченіе, а такожде и о галицкихъ. Такъ церковь св. Онуфрія во Львовѣ, которую еще за державы князя галицкого Льва заняли оо. Василіяне, была первоначально деревяна такъ якъ и монастыръ. Послѣ Ходинецкого князь Константинъ Ивановичъ Острожскій далъ на созданіе церкви и монастыря изъ каменя потребныи фонды, заосмотрилъ ее въ доходы и учредилъ здѣсь печатню. Въ той то церкви имѣла мѣститись и чудотворная икона Матери Божой по смерти князя Льва, которая послѣ достолась въ Белзъ, а оттуда въ Ченстохову***).

Тогдашніи старосты, пребывающіи на замку во Львовѣ, побирали довольно значительныи податки такожде и съ монастырей русскихъ. За прошеніемъ же и ходатайствомъ князя Кон-

---

*) Головацкій во Времен. Ставр. 1867 ст. 69.
**) Stebelski III. 58.
***) Chodyniecki hist. m. Lwowa. 344—347.

стантина увольнилъ король Сигисмундъ I. грамотами, въ 1522 и 1524 годахъ пожалованными монастырю св. Онуфрія во Львовѣ, тойже монастырь отъ всякихъ податковъ и данинъ, доставляемыхъ до сего времени старостѣ королевскому въ томже городѣ*).

Недостаточно есть печися только о добро храмовъ, а залишати духовенство, вбо когда пастырь изчезнетъ или испортится, то овцы розбѣгнутся и стадо уничтожится. Въ виду отже того обстоятельства, что нетерпимость католиковъ, еще за Ягайла на Литвѣ защепленная, чѣмъ разъ больше возрастала, уничтожая православныи церкви на Литвѣ и Руси и отчуждая священниковъ своему стаду**) князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, которого король Сигисмундъ I. высоко почиталъ, въ союзѣ съ князями Друцкими, Соломерицкими, Пронскими, Порѣчскими, Пструцкими, Путятицкими, Слуцкими, Четвертинскими, Вишневецкими, Чорторыйскими, Збаражскими и иными

---

*) Шараневичъ Статіи геогр. историческіи. Львъ. 1875 p. 32.

**) Moracz. Staroż. Polska II. 68. Nietolerancya katol., zaszczepiona na Litwie jeszcze przez Jagiełłę, która wzmagając się coraz bardziej, obalała cerkwie na Litwie i Rusi....

литовскими и русскими боярами, которыи тогда еще по большей части были православными, выхлопоталъ у тогожъ короля, что только тіи духовныи будутъ постявленны митрополитами Кіевскими и цѣлой Руси, которыхъ они имѣти хотѣли*).

Такъ служилъ князь Константинъ прадѣдной церкви; тожъ Господь поблагословилъ его счастьемъ въ родинѣ и въ имѣніяхъ, церковь спасла его, бѣжавшого изъ плѣна, передъ погонью: первѣйшая церковь на Руси т. е. Кіевопечерская Лавра приняла мощи его подъ свой кровъ, а премногіи церкви вписали его въ свои помянники и доселѣ молятся о немъ.

Князь Константинъ Ивановичъ занимался не только дѣлами военными и церковными. Его зовутъ писатели недармо первымъ въ своемъ народѣ русскомъ мужемъ, онъ потщился такожде и о законодательствѣ и его влѣянію подобаетъ приписати, что Сигисмундъ I. такъ званымъ первымъ статутомъ литовскимъ давныи права и преимущества лит. русскихъ земель 1529 г. утвердилъ**). Той статутъ, написанъ въ русскомъ языцѣ на основаніи русского судебника съ 1464 г., содержитъ въ себѣ еще много

*) Steblecki II. 62.

**) Niesiecki VII. 173, 5. Szujski II. 197.

несправедливыхъ узаконеній, однакожъ дополненъ въ пойзднѣйшихъ лѣтахъ новыми поправками, уменьшилъ самоволю можныхъ и притѣсненія простолюдина.

Кромѣ построенія и возобновлевія церквей печалился князь Константинъ и мірскими постройками. И такъ мѣсточко Дубно въ своихъ имѣніяхъ перемѣнилъ онъ въ городъ хорошо устроенъ, за временъ короля Александра; за Сигисмуида же временъ построилъ онъ при томже городѣ такожде сильно укрѣпленный замокъ, который многимъ нападеніямъ татарскимъ противостоялъ несокрушимъ, и въ немъ то до теперь сохраняется архивъ бывшихъ князей Острожскихъ, днесь кн. Любомирскихъ*).

Въ цѣли препятствованія нападающимъ Татарамъ создалъ князь Константинъ Ивановичъ около 1525 г., о 5 миль за Заславльемъ, новый оборонительный городъ и замокъ, названный послѣ его имени Константиновъ, которому позднѣйше по созданію Нового Константинова, надъ Богомъ, придано имя различающое Старого Константонова. Городъ той, положенъ надъ южнымъ Случемъ, притокомъ Горыня, между Молдавіею и Литвою, стался въ коротцѣ значи-

*) Przezdz. II. 41, 42.

тельнымъ складомъ торговельнымъ между Цареградомъ и Сучавою съ одной, а Вильною и Ригою съ другой стороны*).

Князь Константинъ Острожскій не только якъ громъ нечаянно умѣлъ ударяти на непріятеля, не только успѣлъ воспитати себѣ таковыхъ наслѣдниковъ побѣдоносныхъ, якъ Евстафій Дашковичъ, Юрій Николаевичъ Радивилъ, Іоаннъ Тарновскій, Николай Каменецкій, и другихъ, но онъ охочо и усерднѣйшую давалъ помощъ мужамъ храбрымъ, къ нему съ довѣріемъ прибѣгающимъ.

Евстафій Дашковичъ, мужъ воинственного духа и съ организаційнымъ дарованіемъ, который подъ проводомъ князя Константина положилъ крѣпкое основаніе могущественного въ будощности Козачества, во время подвига князей братьевъ Михаила и Василія Глинскихъ, станувшихъ на челѣ русскихъ бояръ противъ латинизующей Польщѣ, прилучился къ нимъ и сильно содѣйствовалъ успѣхамъ Глинскихъ. Когдаже обстоятельства смѣнилися и подвиги Глинскихъ оказались безуспѣшными, то Ефстафій Дашковичъ съ 200 своими сподвижниками возвратился изъ Москвы 1508 г. и прибылъ на замокъ князя Константина, Друцкъ, иская

*) Przezdziecki l. c.

прибѣжища. Тѣхъ всѣхъ Константинъ не только гостепріимно принялъ и всѣмъ необходимымъ заосмотрилъ, но удался такожь до короля Сигисмунда I. и выхлопоталъ для нихъ не только прощеніе, но даже надѣленіе землями и достоинствами, именно для предводителя ихъ Дашковича*).

Кромѣ всѣхъ честнотъ выше высказаныхъ, которыи князя Константина выше ставятъ надъ всѣхъ современниковъ, ибо иныи въ одномъ направленіи были великими, онъ же почти всесторонно заявлялся необыкновеннымъ духомъ: подобаетъ здѣсь еще прибавити и оное человѣколюбіе, которое и во врагу видитъ тварь божую и прото старается и его страданія, хотя нимъ самымъ споводованныи, уменьшити. Еще въ XVI. столѣтію употребляли въ Литвѣ воины стрѣлы, самымъ сильнѣйшимъ ядомъ закаленныи. Сего варварского обычая не только не при-

*) Wap. 82. Eustachius Dascovitius, vir scythicis (т. е. татарскіи) bellis exercitatissimus, cum ducentis ferme suae fortitudinis viris, Constantini Ostroviensis ducis et aliorum magnatum intercessione a Sigismundo... noxa omni dimissa, vita et fortunis donatus, in gratiam receptus. Baudrand Geogr. Paris 1682 I 295. Bielski 949: do Drucka 200 ich nazad przyszło, których był wodzem Ostafi Daszkowic kozak niepospolity, którym wszystkim Konstanty u króla przeprawił.

держивался самъ князь Константинъ, но онъ запретилъ даже тое строжайше въ 1512 г.*)

Наконецъ послѣ Калнофойского и Стебельского учреждалъ князь Константинъ Ивановичь, въ человѣколюбіи своемъ всѣхъ искренно обнимающій, для дѣтей школы, для уломныхъ больницы, а для людей рыцарскихъ якій-то родъ Академіи марсовой**).

Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, посвящая свою жизнь защищенію отечества, не забылъ и на свое семейство. Свою сестру княжну Марію онъ выдалъ за князя Коширского, Андрея Сангушку***), свою вторую супругу, пережившую его, онъ забезпечилъ на помѣстяхъ Турова съ принадлежностями, своихъ сыновъ надѣлилъ онъ въ ровной части своими имѣніями и наконецъ, якбы предчувствуя позднѣйшіи злоключенія, перенесши мощи своего отца и дѣда изъ Острога въ Кіевъ, самъ обремененъ трудами и лѣтами, покрытый ранами, но и почтенъ любовью цѣлого народа а пріязнью короля, упокоился въ маститомъ вѣку, числя выше 70 лѣтъ, въ 1530 г.****)

---

*) Maciejowski Pamiętniki o prawod. Słowian Petersb 1839 II. 283.

**) Stebelski III. 58.

***) Przezdziecki II. 55.

****) Przezd. II. 46.

По желанію отца старшій сынъ, князь Илія, отвезъ тѣло его въ Кіевъ, гдѣ ему Печерская Лавра величественный похоронъ справила и въ часовнѣ св. первомученника Стефана сложила. Памятникъ съ написями, исчисляющими его заслуги, кажется позднѣйше сдѣланъ; онъ нынѣ заставленъ жертвенникомъ, въ которомъ мѣстятся часточки мощей всѣхъ угодниковъ, въ пещерахъ почивающихъ.

Великимъ былъ затѣмъ князь Константинъ Острожскій почти въ каждомъ отношеніи; до гадки однакъ державной самостоятельности, якъ предки его Даніилъ и Федоръ Острожскіи, или якъ попередники Любартъ, Витовтъ и Свидрагайло, или наконецъ, якъ современники и сродники его, Михаилъ и Василій Глинскіи — онъ не дойшолъ, хотя двомъ такимъ богатырямъ и такимъ вельможамъ, якъ Острожскій и Глинскій. — совокупивши свои средства и дарованія, не было бы осягненіе независимости невозможнымъ. Онъ остался вѣрнымъ своему владѣтелю и державѣ.

Измѣненіе герба князей Острожскихъ, якое приписуютъ польскіи писатели князю Константину, кажется произошло по его смерти въ позднѣйшихъ временахъ, ибо фамиліи Огончакъ и Лелива (Косцелецкіи, Тарновскіи) соединились

со святоюрцами по смерти Константина черезъ супружество его сыновъ, Иліи и Василія Константина II.

Оставшіися сыны весьма отъ себе розличались; молодшій Константинъ Василій во всемъ послѣдовалъ своему великому отцу, тожь и дожился славы, неизмѣримыхъ богатствъ и долгихъ лѣтъ; старшій же Илія другимъ пойшолъ путемъ, тожъ и скоро скончался, а пространныи имѣнія достались во враждебныи руки, якъ о томъ во второй части сего сочиненія будетъ подробно и на историческихъ даныхъ розсказано.

Здѣсь скажемъ только, что твердый характеръ князя Константина, его богобовѣйность и вѣрность къ прадѣдной церкви и къ отечеству, его неутомляемое трудолюбіе, его бодрость и хорошое хозяйничаніе, совокупленное съ великою ощадностію, должны нашому и позднѣйшимъ поколѣнямъ служити примѣромъ къ подражанію.

Содержаніе.

	Стор.
Воведеніе	5
Городъ Острогъ	9
О первыхъ князяхъ Острожскихъ	10
Князь Даніилъ Васильевичъ	15
„ Федоръ Даниловичъ	22
„ Василій Федоровичъ	30
„ Иванъ Васильевичъ	33
„ Михаилъ Ивановичъ	38
„ Романъ Михайловичъ	39
„ Константинъ Ивановичъ	41
Битва подъ Ведрошею	45
„ „ Вишневцемъ недалеко Почаева	53
„ „ Оршею	59
„ „ Сокалемъ	66
„ „ Каневомъ	77
Домовая жизнь кн. Константина	89
Опечатки и исправленія съ пополненіемъ	107

Опечатки и исправленія съ пополненіями.

Стор. 9. ст. въ серединѣ вмѣсто: плывущіи, должно быти плывущая.

„ 12. Князь Даніилъ воевалъ такожде и въ нынѣшнихъ Прусахъ, гдѣ до теперь слѣды русскости въ названіяхъ озеръ, рѣкъ и селъ находимъ. Смотри: Monumenta historiae Warmiensis, такожде Sieniawski Biskupstwo Warmińskie, Poznań 1878.

„ 15. стихъ 1. съ дол. Полный титулъ наведеннаго сочиненія: Rulikowski i Radzimiński Kniaziowie i Szlachta, Kraków 1880, вып. 1.

„ 22. стихъ 6. и 7. съ дол. должно быти: тѣлохранителямъ, окружавшимъ....

„ 24. стихъ 5. съ горы должно быти: такъ и со Скалою.

„ 24. стихъ 10. съ горы должно быти: Стыромъ.

„ 24. „ 13. „ „ „ „ нанесъ.

„ 24. „ 2. „ дол. „ „ Rulikowski i Radzimiński въ соч. Kniaziowie i Szlachta.

„ 29. стихъ 2. съ горы должно быти: о спасеніи своемъ.

„ 30. стихъ 4. съ дол. должно быти: перваго.

„ 31. „ 9. „ „ „ „ Въ послѣднихъ лѣтахъ его царствованія печаталъ Святополкъ Фіолъ русскіи богослужебныи книги въ Краковѣ, послѣ запрещенныи и

истребленныи такъ, что еще одинъ подлинный только примѣрникъ цѣлый, хорошо сохраненный, обрѣтается въ городской библіотецѣ въ Вроцлавлѣ надъ Одрою.

Стор. 32. стихъ 4. съ дол. вмѣсто Bahao должно быти: Batao.

„ 34. до стиха 9. съ горы. Днесь говорятъ жители Теребовли, что тамъ было 16 церквей, въ городскихъ запискахъ есть примѣчаніе о 40 храмахъ. Такъ намъ говорили поважныи люди.

„ 46. стихъ 3. съ горы должно быти: стелячи.

„ 47. стихъ 15. съ горы должно быти: кровопролитную.

„ 54. стихъ 9. съ горы должно быти: Бѣлка, подъ Львовомъ, уходяща въ Полтовъ.

„ 65. стихъ 11. съ горы вмѣсто: належа, должно быти: належачи.

„ 73. стихъ 8. съ дол. должно быти: Camenecius.

„ 75. стихъ 6. съ дол. вмѣсто eorumque, должно быти: suorumque.

„ 80. стихъ 1. съ дол. должно быти: bellatoris.

„ 84. стихъ 9. съ дол. должно быти: выставляетъ.

„ 97. стихъ 8. съ дол. должно быти: досталась.

Послѣсловіе.

Русскіи писатели съ неимовѣрными боротись должны трудностями и препятствіями. Понеже нищета между нами отъ вѣковъ водворилась въ слѣдствіе нашествій татарскихъ, литовскихъ и инныхъ, тоже вслѣдствіе промаховъ западныхъ чернорызцевъ, а народъ остался самъ безъ вельможей и дворянъ, прото всякое у насъ предпринятіе словесное стоитъ авторовъ не только много безсонныхъ ночей, но такожде и много потерей грошевыхъ, ибо они должны самы поносити и издержки изданія, съ изъятіемъ немногихъ „Просвѣтою“ и „Обществомъ М. Качковского“ изданныхъ. Кругъ же читателей у насъ весьма нечисленный, ибо читальней у насъ мало. Наше бо предложеніе, чтобъ оба наведенныи общества въ розличныхъ сторонахъ дѣйствовали, одно въ западной части края, другое въ восточной, не пріобрѣло благосклонного уваженія. Тожъ и мы боремся съ трудностями изданія сего сочиненія и едва за 4 лѣтъ удалось намъ I. часть его въ свѣтъ пустити. Вторую начнемъ на дняхъ печатати въ Коломыѣ и надѣемся лѣтомъ окончити цѣлое сочиненіе.

Θеодоръ Бѣлоусъ.

3p. 2oct

СПИСЪ

изданій Ѳеодора Ив. Бѣлоуса.

1. Сѣверная Любовь. Львовъ 1851.
2. Весна, сборникъ. Львовъ 1852.
3. Записки школяра-путника. Львовъ 1853.
4. Древныя зданія. Львовъ 1856.
5. Описаніе иконъ по церк. русск. ст. гр. Львовѣ.
6. Благовонная Китица. Львовъ 1858.
7. Уставъ Общества литер. въ Коломыи 1863.
8. Рѣчь соймовая о гор. Галичи. Коломыя 1868.
9. Фондъ заимственный въ Бродахъ Львовъ 1876.
10. Рѣчь о Товстомъ и его судебномъ округѣ. Коломыя 1876.
11. Посланіе къ Радиховянамъ. Львовъ 1876.
12. Церкви русскія въ Галиціи и Буковинѣ. Коломыя 1877.
13. Зоря на русскомъ небосклонѣ. Коломыя 1878.
14. Дальшіи доказы ревности или нерадѣнія. Коломыя 1878.
15. Мароа, гарная момица. Коломыя 1878.
16. Нѣсколько русскихъ и ромунск грамотъ. Коломыя 1879.
17. Грицько Вардинъ Мочиморда. Коломыя 1880.
18. Ив. Ф. Афоризмы. Коломыя 1882.
19. В. Ф. Гадки. Коломыя 1883.
20. Исторія князей Острожскихъ. Львовъ 1883.
21. Исторія военъ крестоносныхъ } (печатаются).
22. Любовь созидаетъ палаты. }